

ГАЛИНА РОМАНОВА

АНГЕЛ МЩЕНИЯ

Галина Владимировна Романова

Ангел мщения

**Серия «Детективы Галины
Романовой. Метод Женщины»**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39496036

Ангел мщения: Эксмо; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-097169-5

Аннотация

Несколько лет назад Инна нарушила закон, и, хотя никто из-за этого не пострадал, теперь ей приходится помогать старому приятелю, который слишком много о ней знает. А именно: согласиться передать его знакомому в зале суда термос с чаем и бутерброды. На первый взгляд в этой просьбе нет ничего криминального, и Инна свою миссию выполняет. Вот только в последний момент понимает, что в сумке у нее вовсе не термос, а взрывное устройство...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	48
Глава 7	56
Глава 8	64
Глава 9	73
Глава 10	83
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Галина Романова

Ангел мщениа

© Романова Г.В., 2018

© Оформление. «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

– Встать, суд идет! – скомандовала секретарь суда.

Зал заполнился шорохом, все послушно поднялись.

На ее взгляд, для такой важной должности девица была слишком молодой и оттого, наверное, казалась слишком взволнованной. Она заметила, что руки ее подрагивают. Волнуется? Возможно.

Хотя...

Хотя она запросто могла быть неврастеничкой. Или тайной алкоголичкой. И заедала по утрам ночной перегар чем-нибудь ароматным. И долго пыталась потом привести в порядок свою невзрачную внешность. Трясущиеся руки не слушались. Пряди волос выбивались из прически, стрелки на глазах выходили неровными.

Да, наверное, девица и правда пьет. И на службе ее держат, не выгоняют, скорее из жалости, чем из-за ее профессиональных навыков. Какие навыки у секретарей суда? Что в них необычного? Ничего.

Кстати, о жалости!

Она обвела взглядом присутствующих.

Интересно, кто они – эти люди? Много ли среди них искренне сочувствующих? Много ли жалеющих того, кто сейчас находится на скамье подсудимых? Или все же больше любопытных? Тех, кто любит чужие скандалы. Кто положит

их, как застиранные кальсоны в грязной воде. Кто смакует их, приукрашает подробностями, рассказывая, и засыпает ночью в своей уютной кровати с ощущением счастья. С мыслями, что это не его беда, не его неприятности.

Много ли здесь таких? Или она одна здесь такая – алчная до чужой беды?

– Прошу садиться, – скомандовала секретарь суда и неуверенно села сама.

Точно пьет. Или тяжело болеет. А может, ее парень бросил? Или муж? И девушка страдает теперь, терзается мыслями: что она сделала не так. Не спит ночами, а утром кое-как собирается на службу, не подозревая, что станет предметом пристального внимания кого-то из зрителей. Может быть и такое...

Зал наполнился тем же шелестящим шорохом, публика в зале суда опустила на свои места.

Она тоже села. Тут же привычно потрогала сумку с бутербродами. Все на месте. Все четыре бутерброда. По два на каждое заседание. Это было первым. Еще одно – обязательное для сегодняшнего посещения – в соседнем районе состоится ближе к вечеру. Она успевает.

В перерыве первого заседания она съест два первых бутерброда с колбасой, запьет чаем из термоса. Оставшиеся два – с маслом и сыром – съест перед вторым заседанием. Допьет чай.

Домой вернется поздно. Уставшей, пропахшей потом, с

провонявшей едой сумкой, но, как обычно, на эмоциональном подъеме. Потому что совершенно точно ее заряжала чужая беда. Она делала ее сильнее. Чужая беда заставляла ее чувствовать себя счастливой. И даже собственная ненужность казалась как нельзя кстати.

Вернувшись домой, она сначала привычно выпотрошит и вымоет сумку, повесит ее на балконе сушиться. Потом наберет полную ванну горячей воды и погрузится в нее минут на двадцать-тридцать. И будет блаженно жмуриться: вот как у нее все хорошо в жизни складывается. У нее есть ванна, горячая вода, пушистое полотенце, чистая байковая пижамка висит на крючке. В кухне ее ждет чашка теплого молока со сладобной булочкой. И мягкая постелька уже разобрана. А у того, кого сегодня вывели из зала суда в наручниках, ничего этого нет! И будет еще ох как нескоро. Он или она, в зависимости от того, кого минувшим днем осудили на долгий срок заключения, корчится теперь на нарах, терпит издевательства сокамерников и проклиняет себя за ошибки.

А у нее вот есть отдельная квартирка. Своя собственная, не арендованная. В квартирке этой есть все для удобного проживания – кухня, ванная комната, небольшая спальня и самая настоящая гостиная с большим телевизором и мягкой мебелью, на которую она сама лично сшила красивые чехлы.

Квартирка ей досталась не совсем праведно. Не совсем честно. Если уж совсем откровенно, то самым настоящим преступным способом она ею завладела. Но ведь сумела! Не

попалась! Живет в ней уже семь лет. И наслаждается своим собственным счастьем, формулу которого вывела для себя еще десять лет назад.

До этого мучилась. Ох как она мучилась и страдала, глупая! Считала себя некрасивой, обделенной вниманием, ущербной, неудачливой. Часто плакала в одиночестве. Ненавидела свое отражение в зеркале. И даже, дурочка, всерьез подумывала о самоубийстве. А потом случилось «вдруг». Это самое «вдруг» перевернуло всю ее жизнь. Все ее представления об истинном счастье. И она впервые осознала всю силу изречения: не было счастья, да несчастье помогло.

Ей в самом деле помогло несчастье.

Случилось это...

Да, точно, почти десять лет назад. Они с подругами окончили школу, рассовали документы по вузам. С сентября собирались приступить к учебе. А пока было лето – знойное, свободное, пьянящее. Они пропадали на пляжах, ночами тусовались в клубах, знакомились с парнями, спали с ними иногда.

Честнее, подруги знакомились с парнями и спали с ними иногда. Ей не доставалось ни знакомств, ни секса. Она сомневалась, что ее вообще замечали. И страдала. И плакала. Мать, замечая по утрам ее опухшее лицо и красные глаза, подозревала ее в злоупотреблениях. И ворчала. И грозилась не отпустить на учебу в другой город.

– Ты там совершенно опустишься! – восклицала она, не догадываясь о причинах, поскольку считала свою дочку пре-

хорошенькой. – Без надзора! Ты же всегда была серьезной девочкой, чего тебя так перекосило?

Да, она всегда была серьезной девочкой. И достаточно умной, чтобы понять: ее никогда не полюбит красивый парень. Тот, о котором она втайне мечтала. И, отчаявшись, она даже попытала себя с женщиной. Но была с позором изгнана.

– Ты не из наших, – было сказано ей в спину. – Поищи парня.

Легко сказать! А она чем все это время занималась? Она его искала. Но тщетно. Ее не замечали.

И потом это – вдруг...

Вечер был прощальным, августовским. Они собирались разъезжаться. Решено было собраться в любимом клубе. Собрались. Шумные, загорелые, красивые, заметные. Правда, не все.

Они семеро заняли центральный столик, заказав его заранее. Он всегда был занят, если явиться без предварительного заказа. Было много выпито к тому моменту, как в клуб ввалились такие же шумные загорелые абитуриенты мужского пола. Их тоже было семеро. Они сразу обступили их столик, начали клеиться.

– О, парни! Как говорится, каждой твари по паре! – восклицала Нина – самая эффектная из них. И, не вставая с места, красиво переплела длинные ноги, выдвинув их из-под стола. – По паре.

Нина ошиблась. Пары не хватило. Не хватило пары их

несчастной, незаметной подруге. Потому что сразу двое принялись обхаживать Нину.

А очень привлекательной дочери заботливой мамы приходилось лишь жалко улыбаться и делать вид, что все хорошо. Что она всем довольна. Что ей весело. И что она тоже хочет попробовать тех дивных таблеток, от которых им станет еще веселее.

А потом вдруг и случилось это самое «вдруг». Начались маски-шоу. В зал ворвались сотрудники ОМОНа и приказали всем лечь лицом вниз. Подчинились не все и не сразу, народу было очень много. Кто изрядно во хмелю, кто-то под «дурыю». Бестолковились, кричали, размахивали руками, грозили расправой, звонили адвокатам. Хаос. На какое-то время в зале воцарился дикий хаос.

Она скорее угадала, чем почувствовала чужие руки в своем заднем кармане новеньких джинсов. Чужие, мужские руки, ошибиться она не могла. Это было так ново, так волнующе. Перед тем как в ухо ей жарко шепнули, она даже подумала, что уже начался обыск и ее щупает кто-то из омоновцев.

– Не поворачивайся, – приказал ей жаркий шепот, который она тут же узнала. – Вынеси то, что я тебе положил в задний карман. Я потом заберу.

– Но как? Как я пройду? Выходы перекрыты.

– Я сейчас их отвлеку. А ты дуй на выход. Тебя не остановят.

Как в воду глядел! Ее и правда никто не остановил. По-

сле того как новый знакомый, весь вечер не отходивший от Нины, поднял отвлекающий шум, она проскользнула мимо двух омовцев, болтающих друг с другом на выходе, совершенно незамеченной. Она словно превратилась в призрак. Ее просто не увидели!

– Хорошее качество, – похвалил ее на следующий день новый знакомый, забирая пакетик с таблетками. – Для нашего дела – незаменимое.

Оказалось, что это качество – быть незаметной, очень хорошо оплачивается. За неделю, которая предшествовала ее отъезду на учебу, она неплохо заработала, выполнив пару поручений симпатичного властного парня.

Потом она уехала учиться. Училась средне, подрабатывала, несколько раз пыталась завязать отношения. Но все быстро угасало. Она оказывалась не той, парни оказывались не теми. Она не страдала. Просто жила дальше.

Неожиданно пришло известие из родного города: скоро должен был состояться суд над тем самым парнем, которому она помогала. Он все же попался со своими таблетками и кое с чем посерьезнее. Ему грозил немалый срок. Так мать сказала. Подруги, которых она обзвонила, подтвердили. И это неожиданно причинило ей боль. И, отпросившись в университете, она поехала на родину. И просидела целых три дня в зале суда, внимательно слушая адвоката, прокурора, свидетелей и не сводя взгляда с того человека, который открыл в ней поразительное полезное качество – быть незаметной в

нужный момент.

Казалось странным, но подсудимый не сводил с нее взгляда. Пристального, загадочного и будто бы нежного. И последнее слово, которое он взял перед оглашением приговора, было обращено не к суду и присяжным, а именно к ней. Она была в этом уверена.

– Пусть мой пример послужит уроком, – говорил он, глядя только на нее. – Пусть никто не повторяет моих ошибок.

– Вы раскаиваетесь? – спросил его судья. – Вы раскаиваетесь в том, что совершали?

– Я? – Он, уже знающий, какой срок ему влепят, неожиданно отрицательно мотнул головой. – В том, что совершал – нет, не раскаиваюсь. Раскаиваюсь в том, как я это совершал.

– То есть? – Лицо пожилого судьи недоуменно вытянулось.

– Я наделал много непростительных ошибок, поэтому и попался. И хочу, чтобы никто их не совершал. Неуязвимость – удел немногих. Этому нужно и можно научиться.

– Чему?! – возмутился судья. – Быть преступником?!

– Быть неуязвимым, непоиманным и оставаться безнаказанным.

И с многозначительной ухмылкой, адресованной лишь ей, ей одной, он опустил на скамью подсудимых.

Пятнадцать лет. Пятнадцать лет строгого режима он получил за свое преступление. А она – тупую боль в сердце, не покидавшую ее почти год. Потом прошло. Закрутилась

в учебе, на подработках, в новых отношениях, не имеющих никакого будущего. Нахватала хвостов, и ее поперли из общежития. Пришлось искать комнату. Нашла. Нашла именно то, что искала: старая больная хозяйка квартиры требовала ухода, общения. И за это дополнение к комнате брала с квартирантки мизерную плату. Они сблизилась. Подружились.

– Была бы ты моей родственницей, запросто квартиру тебе отписала бы, – восклицала неоднократно хозяйка за вечерним чаем. – А так не могу. Ты не родня. Не могу, извини. У меня принцип.

Она не возражала. Улыбалась. И потихоньку бегала на заседания суда, где рассматривались дела черных риелторов, аферистов с недвижимостью и алчных родственников, отправивших на тот свет кого-то из своих близких ради квадратных метров.

Она внимательно слушала адвокатов, прокурорских, свидетелей, самих подсудимых. Слушала, анализировала, мысленно составляла схемы их преступлений по-своему. Она пыталась следовать совету. Пыталась быть умнее, изворотливее, расчетливее. Пыталась руководствоваться разумом, а не чувствами. Она училась быть неуязвимой.

Он так велел.

Оформить квартиру на себя по договору пожизненной ренты оказалось проще, чем она предполагала. Для начала был найден нечистый на руку нотариус. Она спросила: сколько? Он ответил. Она уговорила мать взять деньги в банке, со-

врав про ипотеку. Та не отказала. И все прошло как по маслу. Хозяйка квартиры подписала договор пожизненной ренты, даже не подозревая, что именно подписывает. До самой смерти была уверена, что общалась за чаем с представителем ЖЭКа. Умерла старая женщина, к слову, своей смертью. Без посторонней помощи. Она ее не торопила, испытывая что-то вроде угрызений совести из-за обмана.

Квартира перешла в ее собственность.

Она окончила университет. Устроилась на хорошую работу с приличной зарплатой. Отдала долг матери. Обустроила свое жилище, превратив его в уютное неприступное гнездышко. И... заскучала.

Поняла, что просто жить, не претворяя в жизнь ЕГО указы, невозможно скучно. И даже отношения с мужчинами, которые время от времени у нее все же случались, не радовали. Встречи с подругами казались скучными. Разговоры о тряпках, мужьях и новорожденных детях вызывали зевоту. Ей было мало удовольствия наблюдать их милые радости. Она не разделяла их щенячьих восторгов по поводу первого появившегося молочного зуба. Ей необходим был всплеск, контраст. И спустя какое-то время она вновь оказалась среди зрителей. Она вновь очутилась в зале суда. И поняла, что оживает.

Она посещала не всякие громкие процессы. Не все ей было интересно. А уж то, что цепляло, не пропускала никогда. И ходила туда как на работу. Даже приходилось брать боль-

ничные или дни за свой счет, если дела, рассматриваемые в суде, оказывались резонансными, возбуждающими ее до бессонницы.

Сегодняшний дневной процесс был как раз таким. Вечернее слушание отличалось, но тоже будоражило воображение.

– В зал суда приглашается свидетель со стороны защиты, – провозгласила судья, молодая женщина строгой внешности.

Слушание началось...

Глава 2

– Ты куда это собрался?!

Мать, нагнувшаяся, чтобы застегнуть молнии на демисезонных сапогах, резко выпрямилась. Кровь, хлынувшая ей в лицо, раскрасила щеки и скулы рваными пятнами. Ненакрашенные губы сделались синими. Глаза подозрительно прищурились.

– Я задала вопрос, Владик!

– Я с тобой.

– Куда со мной?! – Ее сизые губы приоткрылись, превратившись в букву «о». – В зал суда?! Ты в своем уме?!

Все это она выпалила, почти не шевеля губами, буква «о» почти не пострадала, выпуская сквозь себя материнское гневное шипение.

– Да, я в своем уме, ма. Я хочу присутствовать в зале суда, где станут выносить приговор моему отцу, который ни в чем не виноват. Я хочу видеть...

Он запнулся, опустил голову. Подумал, что может сказать из правды, которая бы не так сильно напугала мать. Ничего не придумывалось. И он соврал:

– Я хочу видеть отца, мам. Я соскучился.

– Ох, господи! – Мать шагнула вперед, схватила его за воротник джинсовой рубашки, рванула на себя, прижалась, прошептала ему в ухо: – Врешь ты все, Владик. Знаю я, за-

чем ты туда рвешься.

– Зачем?

Стоять в обнимку с матерью было не очень как-то. Пацаны сказали бы, что так стоять с матерью – обнявшись – запаadlo. Но их сейчас не было рядом. Значит, не увидят, значит, не осудят. А мать собиралась сказать что-то важное. Следовало потерпеть ее объятия и послушать.

– Зачем, мам?

– Хочешь всех, кто против отца свидетельствовать станет, рассмотреть повнимательнее, – произнесла она, всхлипнув. – Рассмотреть и запомнить. Только зачем?! Скажи, зачем?

– Никого я не хочу запомнить, отстань! – Он грубо отстранился, повернулся к матери спиной, шагнул к туалету. – Подожди меня в машине, мне надо в туалет. Я быстро.

Оба знали, что в туалет ему не надо, он оттуда вышел десять минут назад. А надо справиться со слезами, прихлынувшими к глазам, с рыданиями, перехватившими горло. Это матери позволительно было реветь день и ночь. Ему нельзя. Он должен быть сильным, ему уже шестнадцать лет. Он остался у нее один на сегодня. После того, как погиб Игорек – его младший брат. После того как взяли под стражу отца, он у матери остался один.

– Я жду тебя в машине, – проговорила мать задушенным голосом и выскочила из квартиры, чтобы он тоже не успел заметить ее слез.

Владик прошел мимо туалета. Вошел в ванную, пустил воду, оперся ладонями о край раковины, согнулся от резкой боли в желудке. Эта боль изводила его. Она выжигала все его внутренности. Доктора и таблетки не помогали. Слезы не приносили облегчения. Лишь мысли о мести, страшной мести виновным делали ее слабее, как-то ее притупляли. И Владик был совершенно точно уверен, что как только он отомстит за брата и за отца, эта боль совершенно исчезнет. Только надо точно знать, кому мстить. И как-то подготовиться. Не лезть на рожон, как отец. Что он сотворил с пьяных глаз, а?! Взял и сбил на машине сына того мужика, который сбил на машине Игоря! Умышленно! Днем! Прилюдно! И, что особенно отягчало его вину, – будучи пьяным.

– В лучшем случае пять лет поселения, – удрученно качал головой озабоченный адвокат. – Я, конечно, сделаю все, что смогу, но я не Бог! Иван Гаврилович совершенно не сотрудничает со следствием. Твердит направо и налево, что осознавал, что делал. И имел неосторожность обмолвиться об этом при журналистах. Это была его роковая ошибка, Нина Николаевна. Понимаете?

Нина Николаевна все понимала и поэтому уже готовила отцу рюкзак к приговору.

– Разумеется, суд примет во внимание, что Иван Гаврилович находился в состоянии глубокого стресса после гибели младшего сына. Разумеется, суд учтет, что пострадавший в результате наезда отделался несущественными травмами,

но... – адвокат печально вздыхал. – Но вы сами знаете, Нина Николаевна, кем является отец пострадавшей стороны.

– Знаю. Он работает во власти, – кивала мать, скорбно поджимая ненакрашенные губы. – Все знаю. И про рычаги воздействия. И про подставное лицо, которое якобы угнало его машину в день гибели моего младшего сына. И про протоколы знаю, появившиеся задним числом в деле. Что мне-то делать, господин адвокат?!

– Смириться, – опускал голову адвокат, сидя за их столом в гостиной. – И ждать решения суда. Но прошу вас, не уповайте особо. В лучшем случае пять лет поселения. В худшем – срок в колонии общего режима. Поговорили бы вы с ним, Нина Николаевна.

Мать говорила. Плакала. Ругалась. Угрожала, что не станет ждать отца с зоны. Что не допустит старшего сына до свиданий с ним, если он не поменяет своего поведения. Отец оставался непреклонен.

– Я эту властную рожу с довольной улыбкой видеть не могу, мать, – скрипел отец зубами во время коротких свиданий. – У его пацана четыре царапины. А нашего... А нашего Гошки нет!

И они принимались в голос реветь. Так мать рассказывала. И она уже почти смирилась с тем, что отец сядет.

– Не могу я заставить его унизиться перед этой... – мать проглатывала ругательства. – Не могу я заставить отца просить у него прощения, Владик. Я бы и сама не стала. Нико-

гда!

Владик тоже не стал бы просить прощения у человека, убившего его младшего брата и подведшего под обвинения подставное лицо. Ни за что не стал бы. Ни у него, ни у его сыночка. Пусть они просят у них прощения. И пощады. Пусть просят пощады, сволочи!

Боль в желудке неожиданно прошла. Он умылся ледяной водой, кое-как вытерся полотенцем, вернулся в прихожую, надел куртку Игоря.

Красивая куртка, фирменная. Она была великовата брату, и он изо всех сил старался поскорее до нее вырасти, чтобы сидела ладно, чтобы он в ней девчонкам из класса нравился.

Не вырастет теперь. И никому уже никогда не понравится. Этого права его лишил водитель лихач, сбивший Игоря на пешеходном переходе. Лишил права жить. Но...

Но не лишил права быть отмищенным. Да. И пусть будет так!

Владик взъерошил перед зеркалом короткую челку, пшикнул на нее лаком, застегнул куртку брата до самого подбородка. И вышел из квартиры.

– Чего так долго? Заседание вот-вот начнется, – проворчала мать, подавила горестный вздох, заметив на нем куртку младшего сына. – И чего, спрашивается, на вечер перенесли?

– Чтобы истцам удобно было. Забыла? Адвокат говорил, – буркнул он, отворачиваясь к окну.

Он все время боялся, что мать прочтет в его глазах боль

и примется его жалеть как маленького. И тогда он точно поплывет, рассопливится. Так нельзя! Он взрослый!

Выглядит, во всяком случае, старше своих лет. Девчонка, с которой он переспал на прошлой неделе, думала, что ему восемнадцать.

Это был второй секс в его жизни. Про первый даже вспоминать не хочется. Стыдоба одна. Второй вышел что надо. Он сам себе казался умелым, опытным и неутомимым. Девчонка тоже похвалила, а она в этом толк знала. Так пацаны сказали, когда рекомендовали ее ему.

Так вот, она страшно удивилась, когда узнала, сколько ему лет.

– А ты хорош, Владик! – восхищенно крутила она головой, одеваясь. – Может, увидимся как-нибудь?

– Может быть, – ответил он и, не стесняясь собственной наготы, принялся собирать свои вещи по комнате друга. – Телефончик оставь...

Всю дорогу мать молчала, сосредоточившись на дороге. И, лишь выйдя на улицу, коротко обронила:

– Ну, с Богом!

Владик скривился и промолчал. Он никому не молился. Ни в кого не верил. Ни на кого не надеялся. Ни на кого, кроме себя. Отец, видимо, тоже. Раз ни разу во время заседания не взглянул ни на него, ни на мать. Обособился, понял Владик. Или стыдится. Только чего – вопрос! Того, что жизнь так у него сложилась? Того, что доставил неприятности лю-

дям? Или того, что не сумел нормально выполнить то, что собирался?

Владик искренне надеялся, что отцу стыдно за последнее. И у него от боли перехватило дыхание, и рот непроизвольно распахнулся, когда отец, взяв последнее слово, принялся каяться и просить прощения у этих... У этих...

– Ма, зачем?! – тихо простонал он, низко наклоняя голову. – Зачем?!

– Так надо, сынок. Так надо, – прошептала мать.

И по ее тону Владик понял: она знала. Она знала, что отец начнет каяться. Ну, разве так можно!

В перерыве он выскочил из зала суда в коридор, сбросив с себя руку матери, которая пыталась его остановить. Пробежал коридором до лестницы запасного выхода, у которого дежурил охранник.

– Я подышать, – буркнул Владик, толкая дверь.

Его не остановили. Он спустился по ступенькам на один лестничный пролет, встал у окна, прижался лбом к стеклу и глухо простонал:

– Сволочи... Ненавижу... Убью...

Неожиданно за его спиной кто-то осторожно кашлянул. Владик резко обернулся. Женщина. За его спиной стояла женщина с сигаретой на изготовку.

– Куришь? – спросила она, приглашающе дернув сигаретой.

– Нет. – Он пододвинулся, давая ей возможность встать у

открытого окна.

– И это правильно, – она прикурила от изящной зажигалки в виде женской кисти. Глубоко втянула дым, зажмурившись, выдохнула в окно. – А вот то, что не контролируешь эмоции, – это неправильно.

– Что?! – Он отшатнулся от курившей тетки. – Да кто вы такая, чтобы судить! Он, они моего брата... А отец! Он даже отомстить толком не сумел! Сидит на скамейке этой непонятно за что! И теперь еще и раскаивается!

Последнее слово он выплюнул с брезгливой гримасой на лице.

– Думаю, ты просто его не понял, парень.

Она курила как-то странно: бережно, не торопясь. Не впопыхах, не как заядлый курильщик.

– Вообще-то я не курю, – поймала она его заинтересованный взгляд.

– А сейчас что делаете, балуетесь? – скривил он недоверчиво губы.

– Сейчас я наслаждаюсь запретным, – улыбнулась она милостливой, странной улыбкой. – И наблюдаю. И коллекционирую.

– Что, что? Вы не в себе, что ли? – Ему захотелось уйти от этой чудной тетки непонятной внешности неопознанного возраста. – Чё коллекционировать можно здесь? Чё наблюдать?

– Наблюдаю людей. Коллекционирую чужие ошибки.

– Зачем это? – Он все же притормозил.

– Чтобы не наделать собственных. Твой отец молодец, вовремя осознал, что игра в гордость не принесет удовлетворения.

– А что же может принести ему удовлетворение? Что? Раскаяние! – он чуть не захлебнулся этим словом.

– Мечь, мой мальчик. Только она поможет ему вытерпеть боль...

Глава 3

– Условно?! Что? Ему дали условно?

Лицо его жены, невероятно изменившееся за последние два года из-за частых косметических процедур, сделалось похоже на страшную маску. Губы, которые уже не держали форму из-за постоянных инъекций ботокса и напоминали истрепанные поролоновые валики, задергались.

– Ты! Ты ни на что не годен! Ты... Слабак! Тряпка! Твоего сына переехало пьяное быдло, умышленно, белым днем, на глазах кучи народа, а ты... Ты позволил ему выйти из зала суда!

Она не орала, нет. Она выговаривала все это тихим, до омерзения тихим голосом. Она ни разу за их совместную жизнь не накричала на него. Всегда оскорбляла тихо. Со стороны могло показаться, что его жена говорит о чем-то вежливо. Просто беседует. Но ее негромкий, вежливый речитатив был для него пыткой.

Он ненавидел ее голос. Ненавидел ее изменившуюся внешность. Ненавидел манерность, способность мило улыбаться людям, которых она тайно презирала. Он ненавидел фальшь, которой были пропитаны их отношения. С некоторых пор...

– Он раскаялся, – ответил он так же тихо.

Нет, нет, он вовсе не собирался следовать ее совету – ру-

гаться так, чтобы не привлекать внимания прислуги, членов семьи. Просто через две двери от их комнаты располагалась спальня сына. И он еще спал. Не следовало его будить грубым криком. Парню и так досталось. А он ни в чем не виноват.

– Что?! Раскаялся? И ты... Ты, тряпка, в самом деле в это веришь?

Взметнув шелковым подолом длинного халата, его жена принялась носиться по спальне, благо разбежаться было где. Тридцать квадратных метров, не считая ниш, в которых были устроены отсеки для хранения одежды и обуви.

– Он раскаялся! Этот... – она помолчала, подыскивая нужное слово, и выплюнула, сморщив губы. – Ванька! Он не может раскаяться! Он лжет! Он притворяется! Усыпляет бдительность!

– Согласен, – кинул он, чтобы не раздражать ее еще больше и не слышать уже ее отвратительного тихого голоса. – Истины в его раскаянии может и не быть. Чего не скажешь, чтобы выйти из тюрьмы?

Он пожал голыми плечами, ощутил игру хорошей мускулатуры и тут же поймал свое отражение в зеркальной стене напротив их кровати.

Отражение ему понравилось. Он был в хорошей форме. Пожалуй, в самой лучшей своей форме за последние годы. Он с трудом, но избавился от наметившегося животика и излишне округлого зада. Обзавелся шикарным прессом, раз-

дался в плечах. Еженедельные посещения солярия превратили его тело в мечту любой женщины. Так утверждала его последняя пассия, с которой он закрутил на новогоднем корпоративе. Эта девушка – молодая, амбициозная, на ходу рвала подметки, взбираясь по служебной лестнице. Конечно, не без помощи папы – персоны будто бы влиятельной и весьма загадочной. Но и сама она была большая молодец.

Не то что его жена Дина!

Заполучив его в мужа и родив ему сына, она как-то уж слишком быстро успокоилась. Она не перестала следить за собой. Нет, конечно. Напротив, спускала бешеные суммы, чтобы подправить, подтянуть, увеличить что-то на лице и теле. Просто она слишком спокойно стала воспринимать его присутствие рядом. Без уважения, без восторга, без прежнего поклонения. А ему надо, чтобы им гордились, черт побери! Чтобы им восторгались! А не оскорбляли тихим вежливым голосом.

– Вот и ты со мной согласен, Глеб, – не меняя интонации, произнесла Дина, замирая возле зеркала в полный рост. – А все равно позволил ему выйти на свободу.

– Это не я решал, а суд, дорогая, – проскрипел Глеб неприятным самому себе голосом. Чтобы вдруг не сорваться на крик. – Суд так решил. Учитывая незначительную степень повреждений на теле нашего сына, учитывая раскаяние подсудимого и... И учитывая ситуацию.

– Ситуацию! – фыркнула она, забрызгав зеркало слюной

и не потрудившись его протереть. – А что, собственно, за ситуация?

– Не забывай, дорогая, он потерял сына. Тринадцатилетнего подростка.

– И что? – Еще одна порция слюны полетела в зеркало. Дина с надменным равнодушием наблюдала за мужем в отражении. – Так сложились обстоятельства. Судьба! Все равно я считаю, что ты должен был подключить все свои связи. Дернуть за все рычаги, чтобы...

И он не выдержал. Сорвался с места. Подскочил к ней, схватил за плечи, разворачивая на себя. И зашипел с ненавистью прямо в ее лицо, ставшее за два последних года чужим и противным:

– А я уже это сделал, дорогая! Я уже подключил все свои связи и дернул за все возможные рычаги, чтобы спасти от тюрьмы... Напомнить – кого?

– Не надо, – буркнула она, опуская глаза. – И отпусти, мне больно.

– Нет, это мне больно, Дина! Мне! – Он усилил хватку пальцев, хотя подозревал, что на ее бледной коже могут остаться синяки. – В кого ты превратилась? В кого?! Чудовище!

Он оттолкнул ее от себя легонько. Но, видимо, не рассчитал силы, она ударилась головой о зеркало.

– Сволочь! – тихо всхлипнула она ему в спину. – Ненавижу тебя! Ненавижу!

– Твое право, – ответил он равнодушно.

И, не повернувшись, пошел в ванную. Но все же услышал, что она бьякала что-то о разводе, который готова ему дать.

Она! Она готова ему дать развод! Смехота!

Да он бы еще вчера умчался из этого дома, наплевав, что вложил в него немало собственных средств. Еще вчера развелся бы с ней, забыв и не вспомнив ни разу. Но его статус, его будущее, его карьера тогда были бы поставлены под удар.

– Мой отец пророчит тебе великое будущее, – мурлыкала рождественским утром его новая пассия. – Говорит, что если ты поведешь себя правильно, то со временем можешь оказаться в губернаторском кресле.

– А правильно – это как?

Его душа пела в ту минуту. Он надеялся, он ждал, она скажет, что его блестящее будущее неразрывно связано с ее и все в этом духе. Каково же было его разочарование, когда она принялась перечислять:

– Ты должен быть образцовым мужем и отцом – это первое...

Потом было второе, третье и четвертое. И оно ему нравилось тоже. И он был готов. Но вот это первое отравляло все.

– О разводе даже не думай. Никто не станет доверять политику, который бросил свою жену на самом взлете карьеры. Никто не отдаст за него свой голос. Тем более за не известного никому политика, который еще не сумел себя зарекомендовать, не сумел заручиться любовью и поддержкой сво-

его электората.

– А как же ты? Мы?

– Какие мы, Глеб? Нет и не будет никаких мы! Вернее, будет, но не так, как ты себе придумал. У тебя уже есть семья. Там и существуй. Жена одна на все времена. А я – твой единомышленник, соратник, если хочешь, твоя правая рука, серый кардинал. И у меня, к слову, уже есть жених.

– Да? – Он искренне изумился. – И кто он? Я его знаю?

– Ох, вряд ли. Я и сама его толком не знаю. Отец нашел кого-то. Сказал, что надо выйти за него. Надо, значит, надо. Меня вообще семейная жизнь никак не забавляет. Я люблю политику. Ты тоже. Поэтому и срослось у нас.

Глеб мог ей возразить. И напомнить, что когда корпоратив был в самом разгаре, она нечаянно ворвалась в мужской туалет, перепутала двери. И в тот момент она мало думала о политике. Она просто увидела его без штанов. Будучи изрядно навеселе, нисколько не смутилась, а пристала к нему. И все у них случилось прямо там, в туалете, в одной из кабинок.

И уже потом они познакомились.

Но Глеб промолчал. Возражать так вот с ходу, без подготовки, было не в его правилах. Тем более напоминать о ее поступке, который, мягко говоря, можно было счесть неблаговидным.

Но совету он ее внял. И мечты о разводе с женой загнал в самый дальний угол. И не вспоминал ни разу. До тех пор,

пока Дина сама сейчас об этом не проблеяла.

– Ах ты, сука, а! Ах, сука! – шептал Глеб, намыливая голову. – Развода хочешь? Погубить меня хочешь? Мое будущее? Будущее нашего сына погубить желаешь? Я тебе такой развод устрою, тварь! Я тебе...

Неожиданно в голову пришла мысль, что все проблемы в его жизни мог бы решить один-единственный несчастный случай. Несчастный случай, который оставил бы его вдовцом. Скорбящий по погибшей жене политик вызывает больше сочувствия и доверия, чем политик, состоящий в несчастливом браке. Надо будет сегодня вечером обсудить со своей...

Нет, нельзя. Этим делиться ни с кем нельзя. Знаешь один – не знает никто. Знают двое – знают все.

В конце концов, это только его мечты и ничьи больше.

Глава 4

Ей неожиданно позвонили. Было уже поздно. Она уже приняла ванну, влезла в пижаму, выпила теплого молока с мягкой сдобной булочкой и валялась в своей кровати, прогоняя в мыслях сегодняшней судебный процесс. И тут звонок на мобильный. С незнакомого номера. Городского номера. Код ей тоже был неизвестен.

– Алло. Кто это? – ответила она настороженным голосом.

И тут же отогнала прочь испуганные мысли о внезапной болезни матери. Она с ней говорила пару часов назад. С ней все было нормально.

– Инна Владимировна Комарова? – спросил незнакомый мужской голос.

– Да, это я. А кто вы?

– Это не имеет значения, – с легким раздражением ответил мужчина. – С вами хотят поговорить.

Мгновение в телефоне было тихо. А потом...

– Привет, – произнес голос, который она никогда не забывала.

– Привет, – выдохнула она, и сердце ее заметалось.

Инна резко села, оперлась спиной о кроватьную спинку.

– Узнала? – спросил он безо всякого выражения.

– Узнала.

– Значит, представляться нужды нет. Это уже хорошо. –

Долгое молчание, а затем вопрос: – Как жизнь вообще?

– Нормально.

– Работаешь?

– Да.

– Как с жильем? Все устроилось?

– У меня своя квартира, – ответила она.

И внутри на мгновение сделалось очень холодно. Что за вопрос? Почему он так спросил? Ему что-то известно?

– Надеюсь... Надеюсь, со старушкой проблем не возникло?

– Что? С какой старушкой?

Организм отозвался мгновенно. Инну затошнило. Перед глазами поплыли огромные радужные круги. Так случалось, когда она долго смотрела на солнце.

– С той самой старушкой, которая оставила тебе квартиру, Инна. За которой ты ухаживала. Проблем, спрашиваю, не возникло? – В его голосе появилось нетерпение.

– Не было никаких проблем. Это была ее добрая воля. И я заслужила, – быстро проговорила она, стараясь не слушать заполосный стук сердца.

Откуда он узнал про старуху? Почему вообще о ней – о случайной девчонке – вспомнил спустя столько лет? Откуда узнал ее номер телефона? Она его поменяла не так давно. Его знали немногие.

– Ну да, ну да, не было никакого мошенничества, – промурлыкал он со странным утробным хохотком. – Особенно

в том, что старуха подарила тебе квартиру, пребывая в твердой уверенности, что подписывает договор с управляющей компанией.

Инна слабо охнула и сжалась на кровати.

Откуда?..

Господи! Вот оно – возмездие. Вот оно! Настигло ее! А она-то, дура, думала, что все шито-крыто. Что подкупленный ею нотариус станет держать язык за зубами. Потому что сам совершил должностное преступление. Потому что вступил с ней в преступный сговор. И в его интересах было молчать.

Он, получается, проболтался? Но кому?!

– Олег, я...

Он не дал ей договорить. Прошипел:

– Молчи! Никаких имен, дура.

– Хорошо, – она даже кивнула, будто он мог ее видеть.

– Мне все равно. Получилось – хорошо. Смогла – молодец. Значит, мои советы не пропали даром.

Вот! Инна слабо улыбнулась. Она была уверена, что тогда – в зале суда – он говорил только для нее.

– Ты многому научилась за эти годы, детка, – протянул он с легкой ленцой. – И как ты понимаешь, я наблюдал за тобой. Точнее, я не спускал с тебя глаз.

Она промолчала, принявшись озираться по сторонам. Может, у нее тут системы видеонаблюдения установлены? Она, возвращаясь домой и запирая дверь, считала, что ока-

зывается в полной безопасности. А у нее тут!

– Камер нет, – безошибочно угадал он ее мысли.

– А как ты обо всем узнал?

– Я все эти годы не упускал тебя из виду. Не сам, конечно, ты понимаешь, я не смог бы, находясь здесь. Мои люди.

– За мной следили?! – ахнула Инна, сжимаясь на кровати в комочек.

– За тобой просто наблюдали. Тебя стерегли. Тебе помогали.

– Помогали? В чем?

– Ты такая смешная, детка. – Олег едва слышно рассмеялся. – Неужели ты могла подумать, что Новиков принял бы такое непристойное предложение от случайной девчонки с улицы?

Фамилия нотариуса, который помог ей обмануть квартирную хозяйку, была Новиков. Это точно. И он, когда она первый раз к нему пришла, посоветовал ей обратиться к психиатру. А потом неожиданно сам позвонил. И вызвался помочь. И она почти не удивилась, репутация у него была та еще. К тому же она предполагала, что Новиков станет пробивать ее по своим каналам, чтобы убедиться, что она не подставная. И мысленно отпускала ему на проверку неделю. Он позвонил на третий день.

– Я наводила о нем справки. Он не брезгует ничем, – возразила она слабым голосом.

– Но берет в разы дороже. И того кредита, который взяла

твоя мама, не хватило бы ни на что, поверь мне.

Он и об этом знает! Он знает о ней все. Она все эти годы прожила под наблюдением и даже не подозревала об этом. Ужасно!

– Что тебе надо? – спросила она слабым го-лосом.

И от отвратительного чувства, что она в западне, перехватило дыхание.

– Ничего особенного. Завтра рано утром, к десяти утра точнее, ты должна явиться на одно из судебных заседаний. – Он назвал адрес. – Со своими любимыми бутербродами и термосом. И, как всегда, занять место в самом центре во втором ряду.

– Завтра я не могу. Мне на работу.

Инна зажмурилась. Он и об этом знает! О том, что она посещает судебные заседания. И всегда занимает одно и то же место. Есть хоть что-то в ее жизни, что является для него тайной?

– Утром позвонишь своему директору и отпросишься. Он не будет против. Я знаю. Я знаю о тебе, детка, все, – проговорил он тихо и вкрадчиво. – И мне нужна твоя помощь.

Таким же голосом все это произнес, как много лет назад, когда засовывал ей в задний карман джинсов пакетик с запрещенными таблетками. И так же, как тогда, она не сумела ему отказать.

– Что мне надо будет делать? – осведомилась она деловито.

В конце концов, это привычное для нее занятие – усаживаться на то самое место в зале суда и слушать, слушать, слушать.

– Тебе сообщат, – произнес он тихо и отключился.

А она до утра не сомкнула глаз.

Для начала она включила компьютер и нашла короткую заметку о завтрашнем процессе. Читала и перечитывала. И недоумевала.

Ну, вообще ничего интересного. Какая-то пьяная драка в ресторане. Ни тебе серьезных последствий дебоша, ни серьезно пострадавших. Кто-то отделался парой синяков и вывихом плеча. Двум парням завтра будут выбирать меру пресечения, но и дилетанту было бы понятно, что их отпустят под подписку. Дело-то было пустяковым.

Интересно, что она там завтра станет делать? Зевать от скуки? И бутерброды ей ни к чему. Подобные заседания проходят быстро. Там и народу-то почти не бывает. Неохотно пускают, неохотно туда идут зрители.

Инна снова и снова перечитывала заметку о происшествии. В социальных сетях нашла информацию о пострадавшем друге хозяина ресторана и о хулиганах. Ничего особенного. Нормальные люди. Самые обычные. И ресторатор, и друг его, и хулиганы. Последние не имели криминального прошлого. И даже приводов у них не было.

– В чем подвох? – изумленно спрашивала Инна у своего отражения в зеркале, когда утром умывалась в ванной. – Что

не так?

Она так ни до чего и не додумалась, пока на автобусной остановке к ней не подошел человек и, стоя к ней спиной, не наговорил короткий инструктаж. Потом повернулся, передал ей предмет, забрал у нее другой.

– И это все? – изумленно воскликнула она в сутулую спину, обтянутую черной болоньевой курткой.

– Все.

Мужчина шагнул от нее на шаг.

– Могли бы обойтись и без меня, – проворчала Инна.

– Делай, что сказано, – отреагировал он неожиданно зло и исчез.

Инна даже не заметила, в какую сторону он скользнул. Только что вот стоял к ней спиной и тут же его не стало. Будто растаял!

Она доехала на автобусе по адресу, который ей продиктовал по телефону Олег. Привычно предъявила паспорт, показала содержимое своей сумки. И даже маленький термос открыла, демонстрируя охраннику, что там всего лишь горячий чай. Улыбнулась и пошла к залу, в котором двум молодым хулиганам через несколько минут будут озвучивать меру пресечения.

Войти сразу не удалось. Народу, на удивление, оказалось много. Много журналистов. Родственники. Любопытные вроде нее. Странно, что хулиганская выходка привлекла так много внимания.

И лишь заслушав первых двух свидетелей, Инна поняла, в чем дело. И инструктаж, полученный ею на автобусной остановке, не показался пустым. И миссия, которая на нее возлагалась и о которой было сказано вскользь, вдруг показалась очень опасной.

Наблюдать? Ей было велено просто наблюдать? Да чушь! Это мог сделать любой из его людей. Даже тот самый дядька с сутулой спиной, который ее инструктировал на остановке и который ей передал...

– Черт! – ахнула она едва слышно.

И тут же свидетель со стороны обвинения, он же пострадавший, обернулся на нее. Следуя инструктажу, она сидела прямо за ним.

– Что вы сказали? – нахмурил мужчина кустистые брови.

Женщина рядом с ним – очень ярко и дорого одетая – надменно ухмыльнулась и пробормотала что-то про суровое наказание, которого никто не ждет и которое непременно случится. Через мгновение они отвернулись. А Инна наклонилась, чтобы поставить свою сумку с бутербродами и термосом под стул сидевшего прямо перед ней свидетеля обвинения.

Она догадалась. До нее наконец дошло, какую миссию на нее возложили. Ей надо было сбросить все сразу, вопреки рекомендациям! Оставить все здесь, как вошла. И бежать, бежать, бежать, куда глаза глядят!

Распрямитесь она так и не успела...

Глава 5

– Валера, ты телик смотрел сегодня?

Возбужденный голос напарника Сереги Новикова не сулил добра. Его глухой от природы голос всегда взмывал на три октавы вверх, когда что-то случалось. Без разницы: хорошее или плохое. Валера осторожно ответил:

– Нет.

– Не смотрел, значит, – разочарованно протянул Серега и добавил: – Ага...

– Не смотрел.

Валера притормозил перед светофором, покосился направо и тут же подмигнул симпатичной дамочке за рулем шикарного внедорожника. Та улыбнулась. Другого он и не ожидал. Женщины всегда на него хорошо реагировали. Редко отказывали, чаще навязывались. Серегу это всегда доводило до бешенства. Он, как ни старался, такого уровня отношений с женщинами достичь не мог. Может, потому, что плохо старался? И потому досталась ему в жены его бывшая одноклассница. Там усилий даже прилагать не надо было. Она вздыхала по Сереге с третьего класса. Он просто позволил ей женить его на себе.

Ольгу он свою не любил, скорее терпел, но все равно не обижал, жалел и частенько баловал.

– Она же не виновата, что я не могу ее любить так, как она

меня, – всегда приговаривал Серега, расправляя цветочки в только что купленном букетике. – Она не виновата...

Светофор загорелся зеленым, дамочка резко рванула машину с места, успев ему посигналить. Он машинально глянул на номер, постарался запомнить. Мало ли!

– А щас-то ты где, Валера? – Голос Сереги сделался обычным, невыразительным, глуховатым.

– Еду на службу, товарищ майор, – ухмыльнулся Валера.

– Что-то больно долго едешь, – поддел Серега. – Рабочий день три часа как начался. Далекое тебе еще? Ты срочно нужен.

– Вообще-то я был на поквартирном опросе, – немного приврал Валера. – И я предупреждал. А что за спешка, товарищ майор?

Валера краем глаза увидел, как красивый внедорожник с красивой дамочкой за рулем свернул к магазинчику на обочине. Страсть как захотелось последовать примеру. Притормозить рядом и навязать-таки дамочке знакомство. Не серьезное, нет. Так, на пару-тройку свиданий.

Но Серега не просто так позвонил. Какая-то гадость опятьстряслась в городе. Такая гадость, что ее даже по телевизору транслировали. Что же это такое? Когда успело что-то случиться, время-то всего ничего. Около одиннадцати утра.

– Через десять минут расширенное совещание в кабинете начальника, Валера. И если ты опоздаешь и на него, то... Сам знаешь, – буркнул Серега.

– Я уже подъехал к шлагбауму, товарищ майор, – не соврал Валера, показав охраннику пропуск. – Через пять минут буду в кабинете.

– Нет. Давай сразу к начальству. Опаздывать нельзя. Дело серьезное.

Дело оказалось таким гадким, что у Валеры уже через полчаса ныло все тело от перспективы провести следующие недели без сна и отдыха.

Говорили, докладывали, выстраивали версии. Их становилось все больше и больше. Пока наконец полковник не замахал на них руками.

– Давайте все же начнем с изучения записей с камер видеонаблюдения. И с отработки подозреваемых. Все остальное – потом.

– А как же мотив? – ядовито поинтересовался представитель из другого ведомства. – Что с мотивом?

– Определим круг подозреваемых, тогда и мотив будет налицо, – неуверенно отозвался полковник.

Он не любил вступать в дебаты с представителями из другого ведомства. Ворчать на них за их спинами мог, но предельно осторожно. В открытую схватку вступать остерегался.

– И все же, товарищ полковник. Мотив очевиден: убийство свидетеля со стороны обвинения. Фигура значимая. Эпицентр взрыва был именно под его сиденьем. Это установлено. Если бы он сидел в этом ряду один, то никто бы и

не пострадал больше. Даже злоумышленник.

– Но он сидел не один. С ним была женщина. И подозреваемый, точнее, подозреваемая у нас погибла. Итого – у нас трое! – Полковник поднял вверх три пальца.

– Это понятно. Но мне так же понятно и то, что удар был направлен именно на свидетеля со стороны...

– Странно, что вы так уверены, – вдруг встрял Валера и, не обращая внимания на то, что Серега испуганно закатил глаза, продолжил: – А вдруг убить хотели женщину?

– Которую? Погибли две.

– Пока не знаю. Может, ту, что была на пару с важным свидетелем. Может, ту, которая принесла с собой эту дрянь. Кстати, как это могло случиться? Их что, на входе не проверяют? Кто она такая вообще?

– Пока не установлено, – нехотя признался полковник. – Регистрация присутствующих велась из рук вон плохо. Точнее, регистрировали лишь свидетелей. У любопытных будто бы лишь проверяли паспорта и ручную кладь. Журнал регистрации приставом велся отвратительно. Треть посетителей им не была записана.

– Товарищ полковник, а что у нее с собой было? Что говорит охрана, которая впускала людей в зал заседания? – оживился Валера.

– Утверждают, что сумка была почти пустой. Пакет с бутербродами и маленький термос с чаем. Она его открывала и демонстрировала горячий напиток.

– В термосе. – Валера приложил палец к губам. – Скорее всего, взрывное устройство было в термосе. Если стенки двойные. Между колбой и корпусом запросто можно разместить. Убойная сила небольшая, конечно, но для одного человека хватит.

– А погибли трое, – напомнил полковник.

– Это случайность. Наверняка случайность. Убить хотели кого-то одного.

– И кого же? – скривил тонкие губы представитель из другого силового ведомства. – Что вы думаете по этому поводу? Арский Валерий Иванович, если не ошибаюсь?

– Так точно, Арский, – кивнул Валера. – А насчет выбора жертвы я бы пока поостерегся прогнозировать. Надо изучать их личности, контакты, родственные связи и занятость. Поэтому...

Представитель из другого силового ведомства неожиданно выставил руку щитом, сморщил лицо, словно извинялся. Влез в карман серого пиджака и достал телефон. Ему позвонили.

– Это с места преступления, – объяснил он, вылезая из-за стола и выходя из кабинета.

Все затихли. Ждали новостей.

– Их личности установлены, коллеги, – скорбно сложил он губы трубочкой, возвращаясь в кабинет полковника через несколько минут. – Один из них, как я уже говорил ранее, является свидетелем со стороны обвинителя. Он же был

и пострадавшим в той пьяной драке. Ему вывихнули плечо, поставили пару синяков. Хозяин ресторана отделался в драке только синяками. Так вот свидетель жаждал справедливости и требовал от судьи заключения хулиганов под стражу. Кричал, что нарочет на этих придурков, извините, еще на десять лет чего-нибудь. Но не это самое страшное, коллеги.

– А что же?

– А то, что через неделю этот господин должен был выступать свидетелем по одному очень серьезному делу.

– Насколько серьезному? – не выдержал Валера.

– Очень серьезному! Я не могу вам открыть всех тонкостей, но дело это... На контроле на самом верху. И погибший гражданин был едва ли не одним из самых важных свидетелей.

– И что, вот прямо надо было устраивать такую публичную казнь? – Валера недоверчиво скривил губы. – Вероятность прокола очень велика. Гораздо проще было прибить его где-нибудь в укромном месте. Да вон хоть в той же ресторанной драке.

– Это было невозможно, – перебил его коллега из другого силового ведомства. – Его круглосуточно охраняли.

– А в зале суда охраны не было?

– Его личная охрана осталась за дверями. Сочли, что опасности нет и... Н-да! – Он разочарованно выдохнул и грузно опустился на свое прежнее место. – А они вон как зашли!

– Считаете, что драка в ресторане была спровоцирова-

на? – Полковник поправил лацканы кителя. – Чтобы таким вот замысловатым путем выманить его? В зал суда?

– Может, так. А может, убить хотели в ресторане. Но там охрана быстро среагировала. Существенного ущерба его здоровью нанесено не было. Оставалось это место.

– Так его могли бы и на другом заседании так же...

– Нет. Там все серьезнее. И место другое, и возможности, и уровень безопасности. Там все круче. Никто не думал, что так все случится. К тому же его, как свидетеля, привлекли в самую последнюю очередь. До этого не хотели трогать.

– Утечка информации, – с печалью кивнул полковник. – Кто взрывник, установили?

– Да. Некая Алла Ивановна Иванова. Ничем не примечательная личность. Всего-то двадцать пять лет. Ее сейчас проверяют.

– А кто была та женщина, которая сопровождала вашего свидетеля?

– Ох, тут вот тоже готовимся к проблемам. – Коллега из соседнего силового ведомства обхватил пятерней затылок. – Нашего свидетеля сопровождала его двоюродная сестра – Панкратова Дина Альбертовна.

– Ох! – вырвалось у полковника. – Это дочь Гончарова, если не ошибаюсь?

– Да, совершенно верно. Это дочь Гончарова, бывшего... В общем, нет нужды перечислять все его заслуги и регалии. Все без меня их знают. Она его дочь. И жена Панкратова

Глеба Сергеевича, которому прочат взлет в политике на следующих выборах. Сейчас он занимает высокий пост в администрации области. И... В общем, такие вот у нас проблемы, коллеги.

Валера глянул на Сергея. Тот болезненно морщился и делал ему страшные глаза. Валера ответил тем же.

Они понимали друг друга без слов.

Дело было гадким и запутанным. Придется бок о бок работать с коллегами из другого силового ведомства. И наверняка быть им подотчетными. А они этого не терпели в принципе. Поэтому, на правах старшего по званию, Серега Новиков, откашлявшись, предложил разделиться.

– Наш отдел будет разрабатывать Иванову Аллу Ивановну, а ваше ведомство возьмет под контроль...

– Согласен, – перебил его коллега, внезапно быстро согласившись. – Тогда уж и по Панкратовой работайте. Нам с нашим свидетелем хватит проблем. Дело развалиться может. Дело, которое на контроле на самом верху.

Глава 6

Глеб был оглушен внезапной новостью. Он точно будто оглох и, кажется, онемел на какое-то время. Смотрел на помощника, которого послали доложить ему о страшной трагедии, и не понимал, отчего так беззвучно шевелятся его губы. И почему вдруг сделалось так тихо? Он же полчаса назад распахнул окно настежь. Просто захотелось свежего воздуха, и его кабинет тут же наполнился городским шумом.

И вдруг тишина. Звонящая, противная, больно сдавившая виски.

– Глеб Сергеевич, с вами все в порядке? – прорвался сквозь ватную тишину голос помощника.

– А? Что? – Глеб мотнул головой, зажмурился. – Прости... Повтори еще раз.

– Полчаса назад на одном из заседаний городского суда прогремел взрыв, – начал с самого начала помощник.

– Так, – согласно кивнул Глеб. – Кажется, я это уже слышал. И дальше что? Есть жертвы?

– Да.

– И кто это? – Он был не уверен, что снова хочет это услышать, но так было надо. – Есть список погибших?

– Да. Их трое.

– И? – Глеб вытянул шею, уставился на помощника отсутствующим взглядом. – Кто эти люди?

– Один из них – свидетель, он же пострадавший в этом деле. Еще один, одна – взрывник. И еще... ваша жена, – произнес последнее предложение помощник очень, очень невнятно.

– Моя жена. Моя жена – Дина Альбертовна Панкратова. Ты не знал? – Его губы задергались. – И что моя жена, Игорь?

– Она погибла, Глеб Сергеевич. – Помощник скроил скорбное лицо и тут же опустил голову.

– Дина... Дина погибла? В суде? Что ты несешь, Игорь?

Глеб вскинул левую руку, она сильно тряслась. Плывающим взглядом он попытался поймать циферблат часов. Получилось не сразу.

– Она звонила мне всего час назад, Игорь. С ней все было замечательно. Она собиралась в гости к двоюродному брату и...

– Он и есть тот самый свидетель, Глеб Сергеевич. Вообще-то его не должно было быть там. Там всего лишь выбрали меру пресечения для его обидчиков.

– Кто его обидел? – зачем-то спросил Глеб.

Ему же было все равно. Он этого брата Дины видел пару раз, и то мельком. Слышал, что он весьма скандальная личность и что влез куда-то, куда не следовало. И Дина даже пару раз пыталась просить за него Глеба. Он ей категорически отказал, не забывая советы: не ввязываться ни в какие сомнительные предприятия. Тем более с родственниками. Тем более с дальними родственниками.

– Пьяная драка в ресторане. Ему вывихнули плечо, кажется.

– А Дина? Дина тоже была с ним в ресторане?

Пьяной ресторанный драки в присутствии его жены ему только не хватало!

– Не могу знать. Но в суде она его точно сопровождала. И она погибла, Глеб Сергеевич.

Помощник Игорь мученически вздохнул. Миссия, которую на него возложили, доставляла ему страдания. Босс выглядел странно. Он словно не понимал, что ему говорят. Или понимал и не знал, как реагировать.

Если бы Игорь мог доложить о своих личных наблюдениях, он бы сказал, что Глеб будто раздумывает: печалиться ему или радоваться.

Игорь совершенно точно слышал странный выдох облегчения и заметил мимолетную сволочинку радости, мелькнувшую в глазах босса. Ошибиться он не мог. Он почти никогда не ошибался.

Но Игорь не привык докладывать о своих личных наблюдениях. Никому! Не привык ими делиться. Потому и дорос до места помощника такого высокопоставленного чиновника, как Глеб Панкратов.

– Что?! Что мне надо теперь делать?! – Со слабым оханьем Глеб опустился на ближайший к нему стул, закрыл лицо руками. – Игорь! Что мне делать?!

Наверное, он мог бы посоветовать ему съездить на ме-

сто преступления. Там много журналистов. Предоставлялась прекрасная возможность продемонстрировать свою печаль на публике. Но...

Печали-то Игорь и не увидел. Растерянность, подавленность, сомнение. Все, что угодно, но не печаль.

Это не надо демонстрировать на камеры. В зачет не пойдет.

– Наверное, вам надо поехать сейчас домой. Там ваш сын.

– О господи, Тарас! – Глеб уронил руки на колени, лицо его исказила самая настоящая, неподдельная гримаса боли. – Тарас!

Он глухо застонал и зажмурился. Из-под ресниц просочились две слезинки, скользнувшие по щекам к подбородку.

– Глеб Сергеевич, может, вызвать врача? – предложил

Игорь.

– Считаешь? – отозвался Глеб сдавленным голосом.

– Думаю, так будет лучше для вас.

И про себя добавил: и для вашей предвыборной кампании.

– Хорошо, зови. Вызывай. Делай, что считаешь нужным.

Я раздавлен! Игорь, ты понимаешь, что я раздавлен?!

Игорь понимал, что так должно было быть. И понимал так же, что в этом Глеб скорее пытается убедить его, чем себя.

Если уж быть честным, то сам Игорь никогда не понимал выбора своего босса. Дина Альбертовна была на семь лет старше Глеба. Проигрывала ему внешне. Не просто не каза-

лась эпатажной личностью, вообще личностью не была. Вялая, инфантильная, при случае – сволочная особа.

К тому же старая и непривлекательная, подумал Игорь, выходя из кабинета босса и набирая номер телефона их ведомственной поликлиники. Не то что Юлия Владимировна!

Он коротко распорядился срочно прислать «Скорую» в кабинет Панкратова. Подержал телефон в руках, раздумывая, удобно ли будет самому позвонить Юлии Владимировне и сообщить о случившемся? Или все же это должен сделать сам Глеб?

Игорь вздохнул с печалью.

Юлия Владимировна, Юля, Юленька, самая прекрасная женщина на свете. Она была из тех женщин, ради которых совершаются подвиги. Из-за которых развязываются крупные конфликты. Она была из тех женщин, ради которых поступают своими принципами, меняют свои привычки.

Он был готов ради нее на все! Жаль только, ей это было не нужно. Он ей был не нужен. Ей был нужен Глеб. Она поставила на него с самого начала. С того самого дня, как трахнула Глеба в мужском туалете.

Игорек был там в тот момент, сидел в соседней кабинке. Он вошел в туалет минутой раньше Глеба. Он вообще тем вечером не спускал с него глаз, потому что заметил, что глаз с него не спускает новенькая – жгучая брюнетка с удивительными синими глазами.

Он задыхался, покрывался потом, слушая их вакханалию.

И мечтал быть там, в соседней кабинке, вместо Глеба. Но Юля всегда смотрела сквозь него. Она так всегда на него смотрела.

Он не успел ей набрать. Она ворвалась в приемную Глеба Панкратова через мгновение после того, как ее покинул врач «Скорой». Будто стояла в коридоре и ждала удобного момента. Хотя Игорь знал: это не так. Юлии Владимировне не нужен был специальный момент. Она на этой территории властвовала. Тайно властвовала.

– Где он?! – красивым, с легкой хрипотцой голосом спросила она, глядя мимо Игоря.

– У себя.

– Как он?

– Наверное, плохо, – позволил себе Игорь дву-смысленность.

И – о, чудеса – был награжден ее пристальным взглядом. Потом утвердительным кивком. И доверительным:

– Никого не впускай. Постереги тут.

И скрылась за дверью, которая закрылась не плотно, чтобы он слышал, что за ней происходит. Дверь в приемную он запер. И, прижавшись спиной к стене, обратился в слух.

– Привет, – тихо произнесла Юля и сделала несколько шагов.

– Привет, – ответил Глеб слабым голосом.

– Я только что узнала, что случилось.

– А я чуть раньше! – воскликнул он. И добавил с пло-

хо анализируемой интонацией: – Я вообще не понимаю, что происходит! Ты понимаешь?!

– Насколько мне стало известно, твоя жена погибла случайно, – деловито оповестила Юленька. Отчетливо скрипнула кожа сиденья двухместного диванчика в углу возле двери. – Удар был направлен на ее спутника. Кто он?

– Братец ее малахольный! – фыркнул Глеб.

И Игорь опять не понял, что за чувства тот сейчас испытывает: горечь или раздражение.

– Он постоянно в какое-то дерьмо влезал! Постоянно! Она даже просила за него. Я отказал.

– Молодец, – тут же похвалила Юленька. – Насколько я поняла, в настоящий момент он был замешан в самом гадком своем скандале. Собирался выступить свидетелем в одном коррупционном деле.

– О господи! И Дина... Ей-то он был зачем?

– Скандал?

– Брат ее ненормальный! Какого черта она поперлась с ним на это заседание?!

– Так это было другое заседание, Глеб.

– Да, да, знаю. Игорь что-то такое говорил. И все равно! Зачем она была с ним? Так рано поднялась. Она обычно к обеду только раскачивалась. Одуреть можно!

– То есть ты хочешь сказать, что она оказалась там совершенно случайно?

– Да ничего я не хочу сказать, Юля! Мне незачем что-то

вообще говорить!

– А вот это ты зря, дорогой.

Игорь чуть не задохнулся, услышав это «дорогой». И непроизвольно сжал кулаки.

Они уже никого не стесняются! То есть его не стесняются. Считают его предметом мебели. Невидимкой. Вот сволочи, а! Хотя...

Хотя, может, это и к лучшему. Они его не замечают, а он замечает все. Замечает и слышит. И весь инструктаж, которым сейчас снабжала Глеба Юля, он не только услышал и запомнил, он его потом еще и проанализирует. И подумает, как все это можно будет использовать потом в свою пользу.

У него все выйдет. У него все получится. В этом он был практически уверен.

Глава 7

Она большая молодец! Она все успела! И, как всегда, осталась незамеченной.

Она поставила сумку с термосом под стул сидевшего перед ней свидетеля. Так ей велели. И когда ставила, обо всем догадалась. Поняла, что она – отработанный материал. Ее списали! Она не должна была выйти из этого зала живой.

Почему это не дошло до нее раньше? Почему она выполнила все, что от нее потребовали? Отдала безропотно дядьке на остановке свой термос, взяла у него другой. По виду точно такой же, только чуть тяжелее. Сунула его в свою сумку и даже ни о чем таком не подумала.

Нет, конечно же, мелькали нехорошие мысли, что свидетелю хотят подбросить какую-нибудь запретную дрянь, чтобы его подставить и нейтрализовать. Или наоборот, решили дядю подпитать во время перерыва. Может, он не мог без этой дряни. Это ведь было в духе человека, который ей звонил из мест заключения.

Но чтобы дела обстояли настолько гадко, она и представить не могла.

Дура! Так подставиться! Так бездарно подставиться!

Поставив сумку с термосом под стул свидетеля, распрячься она так и не успела, получила сильный удар в бок.

– Ты чего, сука, тут делаешь? – прошипел кто-то женским

голосом. – Это что за фигня?

Инна даже оглядываться на тетку не стала, понимая, как мало у нее времени. Она упала на четвереньки на пол и поползла прочь от своего места мимо чужих коленок, обтянутых штанами и колготками. Она так быстро это сделала, что взрыв, прогремевший несколькими секундами позже, ее совсем не задел. Только обдало легким жаром, и все.

Взрыв был пустяковым, рассчитанным на одну жертву, поняла она, валяясь на полу среди других орущих от страха и паники посетителей. Но зацепил еще двоих. Ту самую женщину, которая гундосила что-то в ее адрес, и ту самую девушку, которая пнула ее ногой.

Ей хватило мгновения, чтобы оценить ситуацию и понять, что если она не скроется с места преступления сразу, она не сможет этого сделать потом еще очень долго. Кто-нибудь из охраны и приставов, внимательно вглядываясь в лица, непременно вспомнит, сопоставит и укажет на нее, как на человека, который пронес термос с чаем в зал суда. И даже ее незапоминающаяся внешность и неприметная одежда не помогут. Ее вспомнят.

Поэтому, вырвавшись вместе с другими людьми из зала, окутанного дымом, Инна тут же незаметно проскользнула в туалет на первом этаже. Она совершенно точно знала, что там нет камер видеонаблюдения. И знала, что окно в туалете не запиралось наглухо днем, не имело решеток и сигнализации и выходило в глухой двор, который охранялся только

ночью.

Ей понадобилось пять минут, чтобы умыться, пригладить волосы, отряхнуть одежду. Оглядев себя в зеркале, она осталась довольна. Она по-прежнему незаметная серая мышка, на которую смотри не смотри, не запомнишь с первого раза. Она надела перчатки, открыла раму. Внимательно осмотрела глухие стены двора-колодца. Села на подоконник. Свесила ноги на улицу. И уже через пару минут присоединилась к зевакам перед зданием районного суда. Ей надо было убедиться, что за ней никто не последовал, что ее никто не караулил на выходе из здания.

Кого она имела в виду? Да тех умников, которые послали ее умирать.

Все было чисто. Дождавшись полиции и медиков, Инна ушла почти сразу. Непременно найдется какой-нибудь глазастый опер, который вычислит ее среди зевак. Она такое видела в одном из сериалов. Светиться было нельзя. Даже с ее неприметными внешними данными.

Она долго шла пешком, без конца меняя направление. По дороге избавилась от мобильного телефона, разобрала его на части возле урны и утопив сим-карту в одном из водосточков. Потом остановилась возле телефона-автомата, дождалась, когда оттуда выйдет пожилой дядька, и выкупила у него его карточку, наврав что-то с три короба. Дядька не сопротивлялся, продал, оставшись довольным выгодной сделкой. Инна заплатила вдвое больше, чем было денег на карте.

Она набрала номер матери. Служебный номер.

– Алло, мам?

– Инна, ты? – удивилась мать. – Ты чего это в такое время?

– Слушай меня внимательно и не перебивай.

– Хорошо.

– Ты сейчас, когда назвала мое имя, одна была в кабинете или с кем-то еще? – уточнила она, чтобы понять, как дальше строить беседу.

– Одна, – порадовала мать. – Я давно одна в кабинете. Мою коллегу сократили.

– Отлично. Теперь слушай и не перебивай.

– Не буду, – с легкой обидой произнесла мать. – Ты уже предупреждала.

– Во-первых, если сейчас кто-то войдет, не называй меня никак. Ни по имени, ни дочка.

– Поняла.

– Во-вторых, если кто-то позвонит тебе или приедет к тебе и спросит обо мне, я тебе не звонила. Понятно?

– Да.

– И ты не знаешь, где я, что со мной. Последний раз мы общались с тобой по мобильному когда?

– Вчера.

– Молодец, мам.

В носу у Инны защипало. Вдруг сделалось жалко и себя и мать. Когда-то еще они теперь увидятся? Когда смогут созвониться?

– Сегодня я тебе не звонила. Со мной ты не разговаривала. Все понятно?

– Да, – голос у матери начал подрагивать от волнения. – Можно немного подробностей?

– Нет. История нехорошая, мам. – Инна зажмурилась, представив, в какую истерику могла бы впасть мать, узнай она обо всем. – Я оказалась не в том месте не в то время.

– Это как-то... Как-то связано с твоей квартирой?

– Почему ты вдруг вспомнила о квартире, мам?

Инна повернулась лицом к улице, внимательно осмотрелась.

Люди, много людей, посторонних, равнодушных. Никто не обращал внимания на худенькую невзрачную девушку в серых одеждах в телефонной будке. Она сместила взгляд на припаркованные автомобили. Все пустые. Ни водителей в них, ни пассажиров. Если за ней кто-то и шел от здания суда, ее потеряли. Она умела замечать следы.

– Нет, ничего. Просто мне всегда казалось, что что-то в этой сделке не так. Как-то недорого она тебе обошлась. И... Ладно, забудь. Лучше скажи, куда ты теперь? Если ты так конспирируешься, значит, там тебе оставаться нельзя? И ко мне нельзя?

– Все верно, мам.

– И куда теперь?

– Я не знаю. Куда-то. Сейчас заеду на работу. Возьму долгосрочный отпуск и улечу куда-нибудь за границу, возмож-

но.

Вот. Она уже и матери врет. И пытается путать следы. Улететь за границу она не могла. Ее загранпаспорт был просрочен. Да если бы даже она успела его поменять, вряд ли бы им воспользовалась. Это такой шикарный след! Разве могла она себе позволить так засветиться?

Нет!

– Ты еще позвонишь? – Все, мать расплакалась. – Чтобы просто я знала, что... Что с тобой все в порядке.

– Конечно. Но не скоро. Может, недели через две-три. Звонить буду так же, на работу. И не плачь, слышишь! Со мной все будет в порядке. Я умная.

– Я знаю, – всхлипнула мать. – Не вздумай пользоваться кредитками и...

– Я всегда все обналачиваю, мам, – улыбнулась Инна. – И дома деньги не храню.

– Молодец, – похвалила мать сквозь слезы. – Мой совет пригодился?

– Да.

Часть своих сбережений на «черный день» мать хранила в банковской ячейке. Часть на работе в своем сейфе. Инна делала так же. У нее не было банковских счетов и свои деньги она так же, как и мать, хранила в банковской ячейке и в сейфе на работе. Сейчас в банк соваться было нельзя. Там ее могли ждать. А вот на работу идти придется. Выхода не было.

Ну, ничего, если она заметит хвост, она легко от него уйдет. Из их офиса можно было исчезнуть через запасные пожарные выходы. А вот в банк нельзя. Если о ее жизни так много известно, то уж про банк, услугами которого она пользовалась, известно тоже.

– Давай, не тяни время. С Богом! – благословила мать твердым голосом. – Жду звонка.

И отключилась. Видимо, кто-то вошел в ее кабинет.

Инна вытащила карточку, смяла ее и выбросила в урну за пару кварталов от телефона-автомата. Через полчаса она добралась до своего офиса. Еще какое-то время у нее ушло на то, чтобы уговорить руководство отпустить ее в долгосрочный отпуск и выклянчить аванс. Ей пошли навстречу. С теми деньгами, что хранились в рабочем сейфе, набралась вполне хорошая сумма. Она прикинула: на дорогу, какую-то одежду и вполне приличное существование месяца на три ей хватит. Затем будет видно. Потом, возможно, полиция выйдет на заказчика взрыва, и о ней даже никто и не вспомнит.

Главное, чтобы о ней забыли те, кто втянул ее во все это дерьмо.

Главное, чтобы они о ней и не вспоминали даже.

На автовокзале она поймала за капюшон шустрого студента, раздающего рекламные проспекты, и попросила его купить ей билет по его документам.

– От мужа надо сбежать, – призналась она, кусая губы. – Просто достал! Бьет, пьет, из дома не выпускает.

– Два рубля сверху, – не стал ломаться студент. – И покорми меня обедом.

– Идет, – кивнула она согласно.

– А чтобы уж вообще было все тип-топ, накинь еще рубль, и я куплю тебе билет по паспорту своей девушки. – И паспорт своей девушки он тут же вытащил из кармана. – А то еще придерутся, что ты едешь по билету, на парня купленному. А? Как?

Это все равно было дешевле, чем ехать на такси. Она согласилась. Оплатила его обед, заплатила три тысячи рублей за билет сверх его стоимости и через пару часов уже выезжала из города.

Путь был неблизким. Ехать надо было почти сутки, но она не поедет до конечной станции, решила Инна, прикрывая глаза, чтобы избавиться от разговоров навязчивой соседки. Она выйдет где-нибудь в середине пути. И затеряется в каком-нибудь областном центре до поры до времени.

И у нее все получится. Она умная. Она большая молодец.

Глава 8

Валера Арский барабанил по рулю большими и указательными пальцами обеих рук. Нервно барабанил. Он уже час ждал Илью Секачева – парня погибшей девушки, которая предположительно привела в действие взрывное устройство. Условились о встрече еще вчера. Парень Ивановой Аллы клялся, что будет дома. А дома его не оказалось.

– А я почему знаю, где он? – вытаращил на него глаза однокурсник, с которым Илья делил съемную квартиру. – Секач – он блудный.

– Может, запил? – предположил капитан Арский.

Он топтался на пороге квартиры, из недр которой не очень хорошо пахло, и методично отсчитывал числа, чтобы не беситься. Нет, ну договаривались же!

– Илья не пьет и не употребляет ничего такого, – как-то даже оскорбился сосед за Секачева. – Он вообще приличный парень. Поэтому я и поселился по соседству. Мне же учиться надо.

– Ты, стало быть, тоже приличный парень? – ухмыльнулся Валера.

– А почему нет? – обиженно шмыгнул носом сосед Ильи. – По-вашему, вся молодежь – отстойная? А я, между прочим, учусь на повышенную стипендию. И жду гранта. И...

– Молодец, – кратко похвалил Валера и кивком указал на

длинную кишку коридора старой хрущевки. – А чем же так у вас из квартиры несет, приличные парни? Мусор вынести недосуг? Заучились?

Сам он не терпел громадных мусорных пакетов, еле влезающих в жерло мусоропровода. Именно с такими мусорными пакетами всегда вываливался из своей двери его сосед из квартиры напротив. И воняло на лестничной клетке еще час после того, как он с мусором проходил.

Сам Валера собирал отходы по двум пакетам. В одном пищевые – их бывало крайне мало, он почти не питался дома. В другом пакете – всякие упаковки, бутылки, жестянки. Все это он, не лентяй, выносил из подъезда и оттаскивал к специальным контейнерам, установленным в глубине двора.

Он слыл и был аккуратистом. Вот так.

– Мусор? – Парень почесал макушку. – С мусором точно беда. Думал, Илюха вытащит вечером. А он, по ходу, не ночевал. И звоню ему, а телефон вне зоны.

Об этом Валера уже знал. Сам звонил Секачеву уже трижды. И подумал даже, что Илья мог быть в чем-то таком замешан и по этой причине подался в бега. Но мысль эту он тут же отогнал. Потому что этот расклад его не устраивал. Он был скверным и добавлял массу проблем.

Об этом даже думать не следовало!

– Может, я зайду? – попросился в гости капитан Арский. – И подожду его здесь?

– Не думаю, что это хорошая идея. У нас воняет, – холод-

но улыбнулся талантливый студент и захлопнул дверь перед его носом.

И в машине он сидит вот уже час. Илья Секачев либо сбежал, либо прячется по причине, понятной ему одному. Телефон его вне зоны. И что делать дальше, кого пускать в разработку, капитан Арский вместе с майором Новиковым пока не знали.

Все родственники Ивановой Аллы открестились от нее как от чумы.

– Дура дурой! – орал в телефон ее отчим, проживающий с матерью Аллы на Дальнем Востоке. – Пока жила с нами, все нервы измотала матери.

– В чем это заключалось?

Валере нужны были подробности, детали, которые он смог бы приложить к делу, чтобы не лететь в командировку в дальние дали. Но отчим отделялся общими фразами.

Кое-что все же удалось извлечь из его пустословия.

Алла до отъезда из отчего дома вела себя, мягко говоря, не как благовоспитанная девушка. Носилась на мотоциклах с дворовой шпаной. С этими хулиганами она частенько попадала в разные передраги. То они подерутся с ребятами из соседнего двора. То дачный участок чей-нибудь обнесут. То нахамят пожилым людям. Школу еле-еле окончила. Как сумела поступить в университет, осталось загадкой для родителей.

Об Илье Секачеве, напротив, все отзывались только по-

ложительно. Ему прочили неплохое будущее. Его роман с взбалмошной девушкой Аллой вызывал у всех, мягко говоря, недоумение.

– Надо было так вляпаться! – возмущались его однокурсницы. – Эта идиотка постоянно попадала в какие-то истории. Постоянно!

При этом припомнить подробности хотя бы одной истории не смог никто.

– Не слушайте девчонок, – посоветовал Валере один из парней с курса Ильи. – Алла была что надо.

– Красивая? – вспомнил Валера одну из ее фотографий.

– Красота ни при чем, хотя она – да, была супер.

– Тогда о чем речь?

– Она была настоящим верным товарищем. Это редкость сейчас.

– Верность? Вы имеете в виду верность? – уточнил Валера.

– Верность, товарищеская поддержка. Трахаться, понимаете, можно с кем угодно. А вот дружить так, чтобы душа в душу... Сейчас нечасто бывает. Илья по-настоящему страдает.

И вот этот самый страдающий по своей погибшей девушке Илья куда-то вдруг подевался. Еще вчера вечером отвечал по телефону капитану Арскому, а сегодня вдруг исчез.

– Ну, ты где, Валера? – возмущенно завопил в трубку майор Новиков, когда Валера просидел в машине час и десять

минут.

– Жду, товарищ майор.

– Так и нет его?

– Нет.

– Это... Это никуда не годится, Валера, – озадачился Серега Новиков. – Он мог что-то знать и скрыть. И теперь пытаются сбежать.

– Он мог что-то знать и не догадываться об этом. И теперь кто-то пытается скрыть это от нас, нейтрализовав его как знающего что-то свидетеля, – закончил за него Валера.

– Да, может. А кто?

– Пф-фф! – фыркнул Валера. – Ну, ты и спросил! Этот вопрос интересует не только нас с тобой, но так же и ребят из другого силового ведомства! Ответим на него, раскроем преступление.

– Это точно, – загрустил майор Новиков. – Долго планируешь его ждать?

– Часок еще посижу, майор. Если не явится, значит, сбежал. Или его уже нет.

– Да запросто! – возмутился Серега, не уточнив, что конкретно имеет в виду. – Слышал я, что он по свидетелям подался.

– В смысле? – Валера остановил барабанную дробь по оплетке руля.

– Начальству уже звонили и жаловались, что какой-то парень... С его приметам, замечу. Так вот какой-то парень

ездит по адресам тех людей, которые так же присутствовали на заседании в зале суда, и задает им неудобные вопросы.

– Оп-па! – Валера прищурился. – А когда ты собирался мне об этом сказать, друг мой, майор Новиков?

– Так затем и звоню, чтобы сказать. Сам узнал десять минут назад. Ладно, подожди еще немного и дуй в отдел. Писанины много.

Илья явился через полчаса после этого разговора, разволновавшего Арского до ругани. Парень шел по двору, еле переставляя ноги. Вид у него был подавленным и уставшим. Лицо серое.

– Секачев? – окликнул его Валера, незаметно подобравшись сзади, когда тот уже подошел к подъездной двери.

– А? Что?

Он не дернулся, не побежал. Просто обернулся на Валеру. Минуту рассматривал недоуменно, потом узнал.

– Это вы. – Он тяжело вздохнул, тронул ладонью припухшие глаза. – Простите, совсем забыл о нашей с вами договоренности. Замотался.

– Не по адресам ли свидетелей мотались, гражданин Секачев? – Капитан Арский сделал суровое лицо. – Вы что вообще себе позволяете? Кто вам дал право?

– А вам?

Илья вдруг передумал входить в подъезд. Спустился по подъездным ступенькам и сел на лавочку, устало откинулся на жесткую деревянную спинку.

– А вам кто дал право хулить ее? Смешивать с грязью ее доброе имя? Кто вам позволил, господа полицейские? Алла была чистым, добрым, справедливым и умным человеком. Я не знал никого другого с таким набором человеческих качеств, понятно?!

Илья пытался гневно повысить голос, но сил не было. Вышло печально и устало. Он снова коснулся ладонью глаз.

– Вы навешали на нее всех собак просто потому, что она погибла. Просто потому, что она не может защищаться.

Его голос сел, и он замолчал на минуту. Смотрел все время мимо Арского, стоявшего напротив лавочки. Кадык судорожно дергался. Он старался не заплакать, понял Валера.

– Понимаете, Илья, сразу несколько человек утверждают, что именно Алла пронесла в сумке термос, в котором, возможно, и было взрывное устройство.

– Какая сумка?! О чем вы вообще?! – резким движением он вскинул руки и прижал кончики пальцев к вискам. – Алла ненавидела сумки! Их у нее не было ни черта. Ни рюкзаков, ни сумок. На занятия ходила с пакетом. А в обычной жизни все рассует по карманам и идет себе куда глаза глядят. Карточка, мобильник. Все. Никакой помады или пудры.

– Почему?

– Потому что ей это не было нужно. Она и без всякой этой штукатурки была красивой.

Конец фразы у него вырвался со всхлипом. И Илья снова надолго замолчал.

– Послушайте, Илья, я понимаю ваше желание защитить вашу девушку. Восстановить ее доброе имя, но... Но факты – вещь упрямая, как любит говорить мой друг. Масса народу видела ее с сумкой, в которой были бутерброды и термос с чаем.

– Это не ее сумка. Это была не ее сумка!

– Возможно, – не стал спорить капитан и присел рядом с Ильей на скамейку. – Может, ее кто-то попросил ее пронести в зал суда. Может, кто-то просто навязал, и у нее не было времени отказать. Зачем она вообще туда пошла? Что ей было в том судебном процессе? Какой интерес?

– Алла знала одного из парней.

– Которым в то утро выбирали меру пресечения?

– Да.

– И? Знала и знала. Зачем пошла-то туда? Даже занятия прогуляла, насколько мне стало известно.

– Ну, она считала, что парней подставили. Что вся эта дурацкая драка была спровоцирована.

– Настолько спровоцировали бедных мальчишек, что один из них выбил плечо пострадавшему? А второй наставил синяков хозяину ресторана? – Валера недоверчиво хмыкнул. – Всегда можно остановиться. Всегда, понимаете, Илья? И на любые провокации можно ответить просто уходом. Просто надо было повернуться и уйти, а не вступать в пьяную драку с хозяином ресторана и его другом. По причине, понятной только им.

Илья помолчал. Потом кивнул согласно:

– Возможно, вы и правы. Только Алла не хотела сдаваться. Она видела во всей этой истории какой-то политический подвох. Утверждала, что этот пострадавший какой-то важный фигурант в одном из коррупционных скандалов.

– Ах, она была в курсе! – обрадованно подхватил Арский и еле сдержался, чтобы ладонь об ладонь не потерять.

– Какой секрет! – фыркнул Илья. – Этот фигурант на каждом телевизионном канале засветился. Везде его интервью.

– Согласен, – не стал спорить Валера. – Так Алла-то зачем туда пошла? Восстановить справедливость? Или из любопытства? Она в свидетели не была заявлена. Зачем она была там?

– Я не знаю, – нехотя признался Илья и согнулся. Упер локти в колени, спрятал лицо в ладонях. Глухо повторил: – Я не знаю.

– Любопытной не была. В свидетели заявлена не была. Что ее туда погнало, Илья? Желание отомстить?

И повисла пауза. И согнутая спина Секачева будто одеревенела. И когда он выпрямлялся, Валере показалось, что он слышит поскрипывание.

– Знаете... Я долго думал и все никак не мог понять. А вот сейчас вы сказали, и я... Наверное, вы правы. Алла, возможно, и хотела чего-то подобного. Это... Это было у нее в крови – мстить обидчикам. Но как?! Где она взяла эту дрянь?! Кто ее направил?

Глава 9

– Масса хороших вопросов, Валера, – звонко шлепнул в ладони Сергей Сергеевич Новиков. – И это не абы какой, но прорыв. Согласись?

Валера молча пожал плечами. Он вообще остерегался пока строить версии. Делать какие-то прогнозы. Его раздражало, что разработку по фигурантам разделили на два ведомства.

– Слава богу, что хоть никто нас не контролирует, коллега, – оскалился Новиков, когда Валера ему пожаловался.

Да, не контролировал их никто, но и сведениями по расследованию особенно не делились. Сцеживали по капле.

– Разве можно так работать, Серега? – возмутился он. – Пока они секретятся, из-под носа у нас может уйти важная информация и...

– Не уйдет от тебя никакая информация, – проворчал Новиков. – Ты вон и сам сколько информации нарыл. Пусть завидуют!

Валера не считал, что узнал что-то важное.

Да, Секачев разговорился, раскрылся, но по сути нового ничего не сообщил.

Алла была красивой, умной, доброй. Но при этом обладала скверным характером. Управлять им она не могла. Одному Илье как-то удавалось ее контролировать, но тоже не

всегда.

– Ее часто заносило, – признался он, сидя бок о бок с Валерой на скамейке в своем дворе. – Она была без тормозов.

Новиков, услышав это, обрадовался.

– Значит, запросто могла протащить в зал заседания что-то такое в термосе, что потом рвануло.

– Ну да. Если не сама все это изготовила, то кто-то ей помог.

А сама она могла. Илья рассказал, у нее были склонности и способности к этому.

Почему тогда так неосторожно сработала? Почему сама подорвалась? Не рассчитала силы ударной волны?

– Не знает он, – проскрипел Валера, недовольно покосившись на майора. – Это ты у спецов из соседнего ведомства спроси. Они наверняка в курсе.

Новиков уставился на коллегу.

Сколько они вместе проработали, а? Лет семь или восемь? Да, что-то вроде того. Сдружились достаточно крепко, чтобы понимать друг друга с полуслова. Прикрывали друг друга, когда надо. Вместе переживали неприятности, выпавшие на долю кого-то из них. Но вот все равно он частенько Валеру не понимал. Когда тот принимался бурчать, вредничать, искать черных кошек в темных комнатах. Как правило, он их там находил, да. Весьма успешно находил. Но вот процесс поисков, подготовительный процесс, всегда выбивал Новикова из колеи. Заставлял нервничать. Он в такие моменты

не знал, что докладывать руководству. Доложит одно, а Валера потом, как фокусник из рукава, достает какой-нибудь козырь.

– Вот скажи, что тебе не нравится? Что?

Новиков машинально взъерошил отросшие темные волосы и тут же с неудовольствием подумал, что вчера забыл подстричься. А выделенные супругой из семейного бюджета деньги потратил на...

Так, а на что он их потратил? Она достала ему тысячу из своего кошелька, а он купил вкусняшек. Точно! Пастилы, зефира, сырков творожных в шоколадной глазури. И – наглая морда – сожрал большую часть перед сном. А то, что осталось, притащил на работу к чаю. А потом еще удивляется, почему у него живот выпирает над ремнем?

Майор скользнул взглядом по стройной подтянутой фигуре напарника. Тот стоял между столами спиной к двери, задумчиво рассматривал что-то за окном и завистливого взгляда майора не видел.

А позавидовать было чему. Фигура у Валерки была для подиума. Длинные сильные ноги, плоский живот с рельефным прессом, широкие плечи. Мускулы, как веревочные жгуты, опоясывали его руки. Напарник был жилистым, сильным, выносливым.

И, черт, он так нравился бабам! Хотя морда у него была, на взгляд Сергея, самая заурядная. Бледная кожа с веснушками на переносице, светлые волосы в легких завитках,

губастый рот и крупный нос с горбинкой. Лицом Валерка ему точно проигрывал. Вот его лицо супруга Ольга называла пригожим. И смотрела на него, не отрывая взгляда, когда они сидели друг против друга за обеденным столом.

Ох, уж этот обеденный стол! Он-то и испортил его фигуру. Вернее, то, что на столе всегда стояло. А стояло на нем на каждый прием пищи по два-три основных блюда. Ольга вкусно и много готовила, и обижалась, если он мало съедал. И как тут не расплывешься в талии?

Новиков инстинктивно втянул живот, дотянулся до верхнего ящика стола, выдвинул, вытащил пластиковый контейнер, швырнул его на стол.

– Угощайся, капитан Арский.

– Что это? – Валера скосил взгляд, недовольно сморщился: – Опять углеводы жрешь, майор! Скоро в китель не влезешь.

– А на тебя посмотреть, подумаешь, ты вообще не жрешь, – пробубнил Новиков, запуская руку в пластиковую коробку. – Вот скажи, а почему ты такой дохлый? Как это у тебя получается?

Валера будто не слышал. Прислонил указательный палец к губам, покусал его.

– Слушай, Серега, я тут подумал... – его затуманенный мыслями взгляд заскользил по стенам, сместился на лицо Новикова. – А что, если убить хотели не того важного свидетеля, который был замешан в коррупционном скандале?

– А кого? – с легким фырканьем отозвался Сергей и откусил ванильную пастилку. – До судьи не достали бы. Эпицентр взрыва под стулом свидетеля. Не изобретай ничего, Валера. В смысле, новых версий. Скушай вот лучше зефирчик.

– Что? – Валера опустил непонимающий взгляд на пластиковый контейнер, брезгливо вывернул нижнюю губу. – Да не терплю я такого, Серега! Я лучше кусок мяса съем или рыбы. Или два яйца вареных проглочу.

– С хлебом? – подозрительно прищурился Новиков.

– Почему с хлебом? Без.

– Ты у нас и хлеб не ешь? – притворно опечалился майор, закрывая коробку с вкусняшками и убирая ее обратно в верхний ящик стола. – И как у тебя только мозги работают?

– Нормально работают, – слегка улыбнулся Валера, пошел к своему месту, сел на вращающееся кресло, закинул ноги на стол. – И вот мои мозги сопротивляются основной версии, хоть убей, майор. Вот не нравится мне ваше общее мнение, что убить хотели именно этого важного свидетеля. Его могли грохнуть где угодно. Не производя лишнего шума.

– Наше общее мнение вам претит, сударь, по какой такой причине? Можно угадаю? – Новиков растянул губы в фальшивой улыбке. – Просто потому, что это наше мнение, а не твое? Просто потому, что мы успели его озвучить вперед тебя? Ты не успел и теперь сопротивляешься. И ищешь, как всегда...

– И, как всегда, окажусь прав, вот увидишь, – погрозил ему пальцем Валера Арский. – А то, что под его стул поставили сумку со взрывчаткой, вполне могло быть отвлекающим маневром.

– Хорошо. Допустим. – Новиков скрестил пальцы на животе. – Допустим, ты прав. Не его хотели убить. Тогда кого?

– Либо его спутницу – Дину Альбертовну Гончарову, либо Аллу Иванову.

– Если последнюю, получается, что не она сама изготовила взрывное устройство, хотя и мастерица была на этот счет. А кто-то его ей дал. Так?

– Так.

– Кто?

– Не знаю. Будем искать. Ее парень – Илья Секачев – утверждает, что в прошлой жизни Алла нажила себе массу врагов. До него, то есть.

– Ой, Валера! Валера, остановись! – Щеки Новикова судорожно задергались, он расцепил пальцы, сжал правую руку в кулак и легонько шмякнул им о стол. – К чему такие ухищрения с обычной студенткой? Могли ее запросто в темном переулке угомонить. К слову, не узнавал, чего это она в двадцать пять лет все еще студентка?

– Не сразу поступила. В колледже училась, потом работала. В этом году должна была защитить диплом. Опережаю вопрос: сложно произносимая специальность, что-то связанное с химией.

– О как!

– Ну да, да, она разбиралась во всем этом. Но зачем самой-то гибнуть.

– Ах, так тебе именно это и не нравится! – развеселился майор, скосив взгляд на верхний ящик стола, там все еще прятались зефирки и творожные сырки в шоколадной глазури. – Так несчастный случай, Валера, еще никто не отменял. Не рассчитала, не успела, прошляпила.

– Может быть. А может быть, и нет, – заявил настырный капитан, уставив в потолок странный мечтательный взгляд. – А может, эта Алла и вовсе не при делах. Может, просто оказалась не в том месте, не в то время. И сумка вообще была не у нее в руках.

– Ну вот, здрасьте вам! Договорились! – Майор негромко выругался. – Ты сейчас вообще чем занимаешься, Арский?

– Чем?

– Ты пытаешься разрушить стройную версию, которая в работе у солидных коллег из соседнего ведомства. Ты сейчас пытаешься опровергнуть свои собственные утверждения, что именно Алла Ивановна Иванова пронесла в зал заседания сумку с термосом.

– Может, в зал-то она ее и пронесла. Но из квартиры она совершенно точно уезжала с пустыми руками. Это утверждает и ее парень, и их сосед. Алла в принципе не терпела сумок. Ключи, деньги и мобильник носила в карманах.

– А пудра, а помада?

– Она не пользовалась этим на улицах. Все это оставалось дома. И вообще она редко красилась. А что, если...

Странный мечтательный взгляд Арского слез с потолка, забравшись Новикову на переносицу.

– А что, если был кто-то еще, а, майор?

– Кто?!

– Тот, кто остался незамеченным. Кто-то еще пронес эту чертову сумку в зал заседаний. Некоторые свидетели уже понемногу приходят в себя и начинают сомневаться в правильности своих показаний, которые сделали сразу же после взрыва.

– Это нормально, капитан, – буркнул Новиков и чуть выдвинул ящик, скосил взгляд на пастилки. Манило до зуда в пальцах. – Так часто бывает. И ты прекрасно знаешь, что самые первые показания и являются единственно правильными. Потом народ успокаивается, начинает анализировать, выдумывать. Да, да, не надо морщиться, Валерочка. Сам же знаешь, сколько может выдумать очевидец, когда пройдет какое-то время.

Валера знал. Спорить не стал. Но все ему не нравилось. И преждевременные выводы тоже. И где могла взять сумку с термосом Алла, если из дома она уходила с пустыми руками? Илья с его одаренным соседом в один голос твердят, что ушла она пустой.

А если нет? А если они оба врут? И все теперешние метания Ильи по розыску свидетелей – не более чем отвлека-

ющий маневр? Надо, надо, надо сфокусировать на этих парнях внимание. Что-то не так. Что-то явно не так.

– Эй, чего завис?

Новиков пощелкал пальцами, облепленными зефирными крошками. Он успел проглотить одну зефирку, пока Арский витал в облаках. Смутился и тут же принялся вытирать пальцы о лист бумаги.

Когда же он прекратит жрать сладости? Когда сядет на диету?

– Я не завис. Я думаю, Серега.

– О чем? – Новиков незаметно от друга лизнул пальцы языком, липкие. – О том, как поудобнее нагадить своему отделу, капитан?

– Ой, да при чем тут отдел? – возмутился Валера, скидывая ноги со стола и вскакивая. – Вот хочешь, я тебе расскажу, по какому пути дальше пойдет расследование? Хочешь?

– Ну!

– Наши деловитые коллеги станут искать заказчика среди фигурантов их важного дела с коррупционерами. Будут искать очень-очень долго. Будут искать связь кого-то из них с нашей студенческой группой. И... И не найдут они заказчика. Не найдут, Серега, поверь. Сколько у нас громких заказных убийств было раскрыто, а? Молчишь? А я отвечаю: по пальцам пересчитать можно. Истина зачастую бывает погребена под тоннами бумаг с протоколами допросов, очных ставок, опознаний и так далее. Не найдут они заказчика, Серега!

– А ты, блин, найдешь! – фыркнул Новиков.

У него вдруг заныли верхние зубы. То ли от перспективы общения с начальством по данному несогласию – доложить-то он будет обязан. То ли от сладкого.

– Не факт, – честно ответил Валера. – Но шансов у меня будет больше.

– С чего это?

– А я искать стану в другом месте, коллега!

Глава 10

Семейного завтрака, как раньше, теперь не было. Мать, конечно, по-прежнему готовила на утро кашу, омлет, какие-то блинчики или сырники, накрывала привычно на стол. И все ими съедалось. Только завтракали они теперь порознь.

Мать хватала куски, пока готовила. Влад забирал тарелки и чашки к себе в комнату. Отец садился за стол в одиночестве и долго сидел, не прикасаясь к еде. Все остывало, делалось безвкусным, но он, кажется, этого не замечал, когда брал в руки столовые приборы и опустошал тарелки.

– По привычке, сынок, – сказала однажды мать, поймав недоуменный взгляд Влада. – Он все делает по привычке, машинально. Даже живет и дышит так же. Ты не приставай к нему. Не обижайся на него. Он справится.

Справляться у отца получалось как-то не очень. Он потерял работу. Его успели уволить еще до завершения судебного процесса. Незаконно, конечно. Адвокат советовал подать на работодателей жалобу. Отец отказался, буркнув, что он их прекрасно понимает.

Он почти перестал общаться с друзьями и соседями по гаражу. Он вообще перестал туда ходить. Редко ездил за рулем. Сидел все больше дома. Почти не включал телевизора. И что-то читал. Постоянно что-то читал.

– Мам, а что он читает? – спросил Влад в пятницу вече-

ром, вернувшись с прогулки.

– Хорошие умные книги, – туманно ответила мать и оглядела сына внимательным взглядом. – Какой-то ты не такой, Влад.

– Какой? Какой не такой?

Он опустил глаза в стол, перед ним стояла большая тарелка тушеной картошки с курицей. Он не был голоден. Они с пацанами втроепали по бургеру полчаса назад. Но сейчас съесть следовало все до крошки. Иначе мать не отстанет с вопросами. А он не хотел ей врать. Не любил врать в принципе. Вранью всегда предпочитал молчание.

– Какой-то возбужденный, нервозно возбужденный, – уточнила мать и уселась напротив.

Ясно, отставать не собирается.

– Что, Владик? Что происходит? – Она дотянулась до его волос, осторожно тронула, грустно улыбнулась. – Ты ведь не попадешь ни в какую скверную историю, так? Ты не заставишь меня пожалеть о том, что я вообще осталась жива после...

Она не договорила. Но он понял, что она имела в виду. И мотнул головой, зачерпывая ложкой картофель с куриным филе. Набил рот, принялся жевать. Долго жевал, надеясь, что мать устанет ждать и уйдет в свою спальню. К отцу, который сидел за чтением каких-то умных книг.

Не помогло. Она настырно сидела.

– Мам, все в порядке, – выдохнул Влад, когда во рту не

осталось ничего. – Со мной все в порядке.

– Точно? – Она снова дотянулась до его волос. Тревожно глянула. – Я могу быть спокойна на твой счет, сынок?

– Да, мам. Я не влез ни в какую скверную историю.

– Хорошо.

Она встала, отошла к раковине, загремела чашками, налила воды в чайник.

Ясно. Собирается пить с ним чай. То ли соскучилась по еще одной исчезнувшей семейной традиции, то ли решила раскрутить его на откровение по полной программе.

Влад загремел ложкой, собирая со дна тарелки остатки картошки. Он объелся. И сразу потянуло в сон. Чай точно был лишним. Тем более с мамиными пончиками. Но уйти просто так, когда она уже разлила кипяток по чашкам, он не мог. Достаточно ей отца, замкнувшегося в себе.

– Как прошел день, Владик? – задала она забытый вопрос.

– Да ничего, мам. – Он громко заболтал ложкой в чашке, разгоняя сахар. – В школе все как обычно. Кстати, несколько наших ребят из класса собираются после девятого класса в колледжи сливаться.

– Ух ты, – мать настороженно улыбнулась. – Надеюсь, ты не в их числе?

– Да нет. Хотя... – Влад хлебнул из чашки, потянулся за пончиком. – Это была бы неплохая идея.

– И что в ней хорошего? – Улыбка застыла на ее лице гримасой.

– А там уже со второго курса начинают зарабатывать деньги, мам. Особенно те, кто на сварщиков учится и кому уже восемнадцать. Еще есть монтажники, токари. Ты знаешь, какой дефицит сейчас в этих специальностях! На них даже конкурс у работодателей объявлен. Платят хорошо.

– Владик! Ты нуждаешься в деньгах? – ахнула мать, роняя чайную ложку на стол. – Ты куда-то влез? Влип?! Тебе нужны деньги?

Ее голос сделался сиплым, лицо серым. Пальцы, повисшие в воздухе над чайной чашкой, сильно дрожали. У него просто внутренности свело от жалости к ней.

– Да никуда я не влез, мам. Чего ты? – И он, копируя ее манеру, дотянулся до ее головы и погладил возле виска. – Просто не мне нужны деньги, мам, а нам. Сколько еще мы протянем на сбережения? Их наверняка уже почти не осталось. Ты одна пашешь. Отец...

– Не надо, сынок. – Мать поймала его пальцы, легонько сжала, жалко улыбнулась. – Не надо про отца, Владик. И... зарабатывать пока не надо. Мы не нуждаемся. Во всяком случае, пока. И если твоя затея с колледжем...

– Мам, да не было никакой затеи, поверь, – он натянуто хохотнул. – Ребята уходят, а я просто задумался.

– Ну хорошо. Это понятно. А возбужденный-то ты почему последние несколько дней? Может, влюбился?

Влад опустил взгляд.

Да, у него были девушки. Целых две! Одна из его клас-

са, ее он провожал домой, с ней трепался о школьных новостях и понемногу сплетничал об одноклассниках. А вторая девушка была чужой, почти незнакомой, и с ней он уже несколько раз занимался сексом.

С одноклассницей – хохотушкой Анькой, полненькой, не закомплексованной, умной и проницательной – ему было как воды напиться. Ему было с ней не хлопотно, интересно, время бежало незаметно.

О ней мать знала.

Вторая девушка – Алла, была старше его. Мать про нее даже не догадывалась. Он и сам о ней почти ничего не знал. Встречался тайно на квартире приятеля, когда родители у того бывали на работе, на сутках. Алла была для него омутом. Она манила, пугала, она творила с ним такие вещи, о которых потом вспоминать было сладостно и немного стыдно.

Любил ли он кого-то из них двоих? Если любовью называется то, что он чувствует к своей семье, то нет. Вряд ли. Он без семьи не мог. А без этих девушек запросто.

– Ма, ты узнаешь, если я полюблю, – неожиданно пообещал он.

– Правда? – Мать привстала, обхватила рукой за шею, наклонила его голову к себе и поцеловала в макушку. – Ты мое сокровище родное. Спасибо, сынок. Спасибо. И все же!

– Что?

Он доел пончик, допил чай. И ему очень хотелось сейчас

«слиться» к себе и зависнуть в Сети, где живо обсуждалось то самое происшествие, из-за которого его так лихорадило.

– Почему-то ты так изменился в последние дни. Будто ожил, – подумав, добавила мать. И упрека в ее словах не было.

– Хорошо, я скажу. – Влад поднял голову, глянул на мать открыто. – Я радуюсь тому, что справедливость восторжествовала, мам.

– Ты о чем? – По ее лицу поползли красные пятна.

– Я о том, что эти ужасные люди понесли заслуженное наказание. Кара их настигла, если говорить пафосно! Возмездие свершилось! И за это я не могу не уважать своего отца, мам.

Спина матери резко выпрямилась. Глаза сделались огромными, пустыми, страшными. Рот приоткрылся. Она молчала какое-то время. А потом выдохнула:

– Не смей!

– Что?

– Не смей, слышишь! Не смей так думать о своем отце!

Ее рука приподнялась. Ладонь развернулась. Влад испуганно отпрянул. Не потому что боялся боли от пощечины матери. Боялся, что не простит ее потом никогда, если она это сделает. Хватит ему уже потерь в его недолгой жизни.

– Почему? Почему я не должен думать о своем отце, как о достойном, сильном мужике, мам?

Влад уже стоял на ногах, соскочив со стула. Он собирался

уйти к себе. Потому что испугался возможной материнской пощечины. Потому что испугался неизбежных последствий, если бы это произошло.

– Достаточно уже того, что он попросил прощения за то, за что просить прощения не должен был. Он не должен был просить прощения, мам!

Влад стукнул кулаком по дверному косяку. Не рассчитал силы, и кулак тут же заныл. И грохота наделал. В родительской спальне открылась дверь, возник силуэт отца на пороге.

– Что происходит? – спросил он безжизненным голосом.

– Ничего! – грубо выкрикнул Влад.

Ему не хотелось быть грубым. Не хотелось кричать. Как-то само выходило. Может, захотелось вдруг разбавить траурную тишину, поселившуюся в квартире, хотя бы этим? Раз уж веселиться ни у кого не выходило.

– Ваня! – позвала мать, не поднимаясь с места. – Иди сюда.

Отец с неохотой пошел на ее голос. Проходя мимо Влада, даже на него не глянул. Его это задело. Нет, он знал, конечно, что малой всегда был любимчиком отца. Но тот был любимчиком всей семьи. Влад его тоже обожал.

– Что происходит? – Отец тяжело опустился на свое место, которое всегда прежде занимал за семейными застольями. – Мальчик вырос и подает голос? Ты пьян, что ли?

Он внимательно осмотрел старшего сына. Отрицательно покачал головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.